

Тимофей
Печёрин

З а л о ж

о г е р ж и л о т о

Фэнтезийный боевик

Тусклое небо... серая пелена, скрывшая солнце над обреченным миром. Над миром, где встают из могил покойники, творится злая волшба, а ужасные демоны обретают власть над людскими душами.

Их всего четверо. Могучий варвар-северянин, отказавшийся подчиниться жестокому обычаю и изгнанный за это из клана. Целительница, которую ждал костер инквизиции. Безродный бродяга и авантюрист, давно покинувший отчий дом и теперь живущий воровством и обманом. И оставшийся без наследства рыцарь, преданный родным братом.

Терять им нечего... кроме последней надежды. Ее четверем изгоям подарил старый чародей, собравший их вместе для борьбы с силами зла.

Их всего четверо... но они бесстрашно пойдут туда, откуда бегут целые рати. И враг, способный нагнать страху на самих королей, этих четверых не остановит.

Один человек — слишком мало, чтобы изменить мир. Но вот четверо — в самый раз.

Тимофей Печёрин
Замок одержимого

Проснувшись однажды утром, Сиградд из клана Снежного Барса и подумать не мог, что едва успеет снова опуститься ночь, как прежняя его жизнь пойдет прахом. Все, к чему он привык и что успел в этой жизни полюбить — со всем этим предстоит распрощаться.

Но еще больше Сиградд, сын славного Торда удивился бы, скажи ему кто-нибудь, что сам он при этом останется жив.

Жизни вне родного клана Сиградд не представлял. Жить ради собратьев по клану или погибнуть, сражаясь за них — никакой другой участи он для себя не желал. Не считал достойной. А в близость грядущего несчастья не верил в силу своей молодости. Как и, тем более, в неизбежность оногo.

Ведь и утро-то очередное, казалось, вовсе не предвещало беды. Совсем наоборот. Наконец-то унялась снежная буря, бушевавшая три ночи и три дня кряду. А громадные и темные, зловещие точно чудовища из сказок, тяжелые снеговые тучи сменились привычной пеленой. Серой пеленой, закрывавшей небо в дни обычные, погожие.

Кто-то даже похвастался в то утро, что видел-де лучи солнца, на миг-другой, прорезавшие эту пелену. Кто-то из детей, не ведавших еще цены собственным словам. Всерьез не воспринимали эти байки, наверное, даже сверстники тех хвастунов. Ибо как выглядит солнце и насколько прекрасны его лучи, когда пронзают мрак, помнили в этом мире уже разве что глубокие старики.

Впрочем, и без солнца имелся повод для радости — целых два даже.

Во-первых, коль гнев Отца-Неба унялся, люди клана смогли покинуть, наконец, свои душные и тесные землянки. Где под одной крышей со скотиной переживали бурю, сгрудившись поближе к пламени очага. И слушали вой и рев, доносящийся снаружи. Да вздрагивали всякий раз, когда очередной порыв злобного зимнего ветра казался особенно сильным. Способным смахнуть землянку, словно муху, заодно с ее обитателями.

После тех дней и ночей, исполненных тревожного и оттого особенно мучительного безделья отрядным казалось уже просто выйти на свежий воздух. Да пройтись по окружавшим селение Барсов снежным просторам на лыжах или снегоступах. Но лучше было, разумеется, совместить наслаждение зимней свежестью с чем-нибудь полезным. С какой-нибудь работой. Ну, хотя бы с уборкой снега, из-под которого кое-где едва только верхушки крыш выглядывали.

Но было еще и «во-вторых». Снегу намело и впрямь в изобилии. А на снегу этом, свежавыпавшем, следы зверей и птиц виднелись особенно четко. Трудно не заметить. И еще труднее... не воспользоваться.

Вот потому едва ль не все мужчины клана, от суровых бородачей до безусых юношей, с утра же отправились на охоту. Обещала она быть доброй — щедрой на добычу. Так что даже сам Гуннульв Железнодорожный, вождь Барсов порывался участвовать. Несмотря на преклонные годы и хромоту, оставшуюся после войны с кланом Белых Лис прошлой зимой, был вождь все еще могуч и выглядел тоже внушительно. Ни дать ни взять — великан с Ледового Рубежа. И хвастал время от времени, что еще под силу ему одной рукой свалить любого из молодых оболтусов.

От вылазки охотничьей, Гуннульв, впрочем, все-таки отказался. Поврежденная в войну нога не пустила, напомнив о себе назойливой ноющей болью.

А вот Сиградд ни причины подобной не имел стоять в стороне, ни, признаться, желая. Позорным и глупым казалось ему прохладиться в такой день, суливший богатую поживу. Не говоря уж о том, что лентяй-охотник, лентяй-воин и сам по себе был позором для своего клана.

Снег вкрадчиво шуршал под лыжами, покуда Сиградд двигался в направлении близлежащего леса. И предвкушал добычу на зависть другим охотникам. Оленя... покрупнее. А еще лучше медведя, отчего-то вышедшего из спячки и потому злобного как дюжина драконов.

О, если ему удастся свалить шатуна в одиночку да приволочь в селение его тушу, всю дорогу окропляющую снег свежей кровью — тогда и стар и млад назовут Сиградда, сына Торда самым сильным, самым смелым охотником в клане. И прекрасная Лута... тогда-то она точно поймет, кто ей нужен. Оставит, наконец, колебания. И согласится на помолвку.

В радостном предвкушении добрался Сиградд до опушки. Где остановился, чтобы перевести дух. А заодно осмотреться и решить, куда идти дальше.

Впереди темнела стена из сосен и кедров. За спиной виднелись во множестве дымные столбы — от костров и очагов в селении Снежных Барсов. В погожий день разглядеть это скопище землянок, окруженное частоколом, было легче, чем вспугнуть зайца.

А где-то сбоку...

Короткий хриловатый вскрик, полный отчаяния и страха, привлек внимание Сиградда. Рывком обернувшись в его сторону, охотник в первую очередь заметил волков. Целую стаю из почти десятка зверей. Что тоже сочли этот день благоприятным для охоты.

А добычей лесным хищникам суждено было стать человеку. Не Сиградду, конечно. Он-то был не по зубам даже этой стае. По собственному мнению, по крайней мере. Но вот другой человек — одинокий путник, невесть каким ветром занесенный в эти края, не мог сказать о себе того же.

По-старчески сторбленный... он и впрямь был стариком. Сиградд понял это, мельком увидев лицо путника под капюшоном дорожного плаща. Окружив, волки, скалясь, надвигались на него. И голодная слюна капала из их пастей на снег.

Старик неуклюже замахивался на них посохом. Что нисколько не пугало зверей. О, только не страх перед увесистой палкой не давал волкам прыгнуть разом и разорвать, наконец, бедолагу. Скорее всего, звери ждали, когда на рывок этот, роковой для старика, решится вожак. А может, не настолько были голодны, чтобы спешить.

Вот старик вскрикнул, в очередной раз, вскидывая посох — в надежде выбить таким способом еще мгновение-другое жизни. А в следующий миг заметил Сиградда.

— Добрый человек, — надтреснутым голосом, едва сдерживая кашель, обратился он к охотнику, — помоги, а! Не оставь слабого на расправу.

Донельзя жалобно прозвучал этот голос. Особенно здесь, рядом с зимним лесом и рядом с волчьей стаей. И если мгновение назад Сиградд еще колебался, то теперь сомнения отпали. Вынув из-за спины лук, охотник наложил на него стрелу и послал в сторону ближайшего из хищников.

Промахивался храбрый сын Торда редко. Попал он и на сей раз. Грозный зверь взвизгнул, точно щенок, получивший пинка, когда стрела пробила серую шкуру и вонзилась в его плоть.

Этот визг... а еще запах крови привлекли к Сиградду внимание и остальной стае. Однако в атаку волки не рвались. Чували, что этот, второй человек — не чета первому. Что он

тоже хищник. Даром, что двуногий. Зато сильный. Нападать на такого без нужды себе дороже.

Лишь один из волков решился напасть — молодой и дурной, не иначе. А до старости дожить ему было не суждено. В тот же миг, когда волк прыгнул, Сиградд выхватил охотничий нож. И встретил зверя ударом в брюхо. Другой же рукой он сумел, изловчившись, схватить волка за нижнюю челюсть. И удержал оскаленную пасть менее чем в локте от своего лица.

На снег они рухнули оба — человек под тяжестью крупного зверя. Но волк был уже пронзен, уже обречен, а человек нет. И уже мгновение спустя Сиградд поднялся на ноги, отбрасывая от себя серую окровавленную тушу.

— Ну! — рявкнул он, обращаясь к стае и потрясая небольшим топориком в одной руке, — кому еще жить надоело?!

Другая рука Сиградда продолжала удерживать охотничий нож.

Грозно прозвучал его голос. Так что из оставшихся волков сподобился атаке только один. Прыжок его вышел неуклюжим — зверь даже толком не допрыгнул до человека. А спустя всего миг топор Сиградда раскроил ему голову.

Сколь бы ни были голодны волки и как бы ни настроены на охоту, но с третьим убитым собратом вся их решимость улетучилась, как тепло через дырявую крышу. Пятясь, стая подалась к лесу.

— Спасибо тебе, добрый человек, — окликнул Сиградда старик. И тоже отправился куда-то, продолжая прерванный путь.

Охотник проводил взглядом сгорбленную фигуру с посохом. И уже потом запоздало сообразил, где именно ошибся.

Старик явно не принадлежал к клану Снежного Барса. Более того, он вообще не носил никаких знаков, указывавших на его принадлежность хоть к какому-нибудь из Северных Кланов. Он был чужак. Чужак, разгуливавший в землях Барсов точно у себя дома. И он, Сиградд, сын Торда, оставил этого чужака в живых! Не говоря уж о том, что спас ему жизнь.

А исправить ошибку уже было нельзя. Оглядевшись вновь, Сиградд понял, что чужака-путника уже и след простыл. Для старика он оказался на удивление шустрым. Даже... следов не оставил!

Но досадовал, кляня собственную глупость и ротозейство, Сиградд недолго. На помощь пришла здравая вроде бы мысль, рожденная молодой беспечностью. Охотник подумал, что старик в любом случае слишком слаб, чтобы причинить вред хоть Барсам, хоть любому другому из кланов. Куда ему, беспомощному такому! Пусть гуляет... покуда не попадетя еще какой-нибудь стае. Или кому-то из местных — не такому доброму, как Сиградд. Совесть последнего в любом случае будет чиста.

С другой стороны... да, он нарушил обычай. Вообще почему-то забыл про него. Но и здесь Сиградд надеялся: духи предков его простят, коль поступил он как воин. Защитник слабых. Духи простят, а может даже даруют удачу на охоте. А люди... люди ничего не видели. И ни о чем не узнают.

Он ошибся. Причем в обоих случаях. Охота не задалась: добычей Сиградда стала лишь тощая косуля. А разглядеть случившееся на лесной опушке не составило труда хотя бы со сторожевой вышки на окраине селения. По крайней мере, в этот тихий день.

Тем более что дежурить на вышке, окрестности обзревая, на сей раз выпало молодому зоркому Гауку. Среди Барсов он считался самым метким лучником. И потому завидовал что

Сиградду, что остальным собратьям по клану, коль вынужден был терять столь благоприятный для охоты день.

Но главное: Гаук тоже подбивал клинья к красавице Луте. И то, что Лута предпочитала ему — такому ловкому, меткому и тоже довольно симпатичному, какого-то туповатого здоровяка, Гаука решительно не устраивало.

Шедшего к лесу Сиградда Гаук проводил унылым взглядом с вышки. Зато когда увидел, как соперник в делах сердечных встретил у опушки чужака, встретил, но не убил согласно обычаю — вот тогда парень возликовал. Решив, что это предки... да что там, сам Отец-Небо преподнес ему такой дар.

Об увиденном Гаук не преминул доложить вождю. Так что уже вечером, по возвращении из леса, Сиградда ожидал суд клана.

Состоялся суд в сердце селения. На площади, освещенной пламенем огромного костра. Да перед двумя деревянными столбами, на которых были вырезаны оскаленные морды кланового зверя.

Ради такого события на площади собрались, кажется, все взрослые Барсы. Обступили вокруг, оставляя свободным небольшой пятючок, вмещавший костер, столбы и Гуннульва Железнодорожного. Вождь был единственным, кто на этом собрании сидел — по причине своей хромоты. Занимая принесенное на площадь деревянное кресло с высокой спинкой. Давний боевой трофей, оставшийся со времен бурной молодости Гуннульва.

Отсветы костра плясали на лицах Барсов, когда они расступились, пропуская на пятючок Сиградда и Гаука.

— Сиградд, сын Торда! — суровым и грозным, как рев медведя, голосом обратился к охотнику вождь, — этот славный юноша обвиняет тебя в нарушении обычая. И в предательстве клана.

— Я все видел! — торопливо и с волнением выпалил Гаук и зачем-то покосился на толпу. То ли Луту высматривал, то ли просто искал одобрения на лицах собратьев по клану.

И уже затем перешел к объяснению:

— Клан и ты, могучий Гуннульв, доверили мне следить за окрестностями. Предупреждая об опасности... и о непотребствах, совершаемых в наших землях — тоже, — последние слова прозвучали с яростью, — и я увидел, как этот человек... Сиградд, сын Торда помог чужаку, покусившемуся на владения клана! Помог, вместо того, чтобы убить! Как того требовал обычай, данный нам предками!

Выслушав эту гневную речь, вождь повернулся теперь уже к Сиградду. Лицо Гуннульва, суровое и изборожденное морщинами, казалось высеченным из камня.

— Подтверждаешь ли ты слова Гаука, сына Бруни? — вопрошал он.

И успела в душе Сиградда зародиться трусливая мыслишка: отвергнуть обвинение. Сказать, что Гаук лжет. Что не было никакого чужака. А если и был, то ему, Сиградду, не встречался. И коли сохранил ему жизнь кто-то из Барсов, то точно не Сиградд. Ни в коем случае!

Но как зародилась мыслишка та, так и издохла. Ибо не привык Сиградд врать. Особенно перед ликами кланового зверя.

— Это был лишь старик, — вместо слов отрицания заявил обвиняемый, — не воин. Слабый человек. Не он угрожал нашим землям — наши земли были опасны для него. Да не встретить он меня, стая волков растерзала бы его...

— А если это был соглядатай? — донеслось из толпы, — если он вынюхивал здесь...

чтобы завтра привести к нам целое войско? Или это мог быть колдун... что если это колдун задумал наложить на наш клан проклятье?

— Не тебе судить предков! — тыча в сторону Сиградда пальцем, выкрикнул Гаук, почувствовавший поддержку других членов клана, — если мы забудем обычаи, которые они нам дали, предки отвернутся от нас... проклянут! И навеки исчезнет клан Снежного Барса.

— Еще я скажу, — подал голос немолодой уже чернобородый мужчина, также выступивший из толпы, — тебя, Сиградд, сын Торда, не зря еще кличут в клане Глиняным. Хоть ты могуч как медведь, но мягок как глина. У многих женщин наших сердце тверже, чем у тебя. Помнишь, нет? В войне с Лисами ты добивал раненых, чтобы не мучились. Из раненых — тоже! Тебе было жаль их? Ну конечно, жаль. А если кто-то из Лис перед гибелью выпускал оружие из рук, ты вкладывал его им...

— Да! — вскричал, перебивая его, Сиградд, — я хотел, чтобы они умерли с оружием в руках! И отправились пировать в Небесный Чертог, а не прозябать в Нижнем Мире. Как подобает воинам... потому что они, и были воинами! Как ты, я... как мы!

— Что я и говорил: тебе вообще жалко чужаков, — заключил обладатель черной бороды, отступая обратно в толпу, — как бы не пришлось потом жалеть своих. Как бы нам всем не пришлось.

— Что ж, — Гуннульв кивнул, — рано или поздно твоя жалость, Сиградд, сын Торда, заставит тебя предать клан. И я не хочу ждать, когда это произойдет. За нарушение обычаев наказание одно. Изгнание.

Последнее слово вождь не проговорил — отчеканил. И по толпе прокатился ропот. Вот только осуждали ли Барсы самого обвиняемого или, напротив, вынесенный ему приговор, понять было трудно.

И Сиградд решил прибегнуть к последней возможности оправдать себя.

— Поединок! — выкрикнул он, — я вызываю Гаука, сына Бруни! Пусть духи предков сами рассудят нас перед лицом Отца-Неба.

На мгновение-другое, но Гауку стало не по себе. Превосходя Сиградда в проворстве и умении стрелять из лука, плечистостью он своему сопернику значительно уступал. А значит, не был столь же хорош в ближнем бою. Тогда как именно ближний бой и никакой другой был предусмотрен правилами поединка.

Волновался, впрочем, Гаук напрасно.

— Поединок... возможность защитить свою честь в бою, — медленно проговорил вождь, — дозволяется тому, у кого есть эта самая честь. У тебя, поправшего обычай предков, чести быть не может. Так что не надейся: погибнуть в схватке и отправиться в Небесный Чертог я тебе не позволю. Ты будешь изгнан... и умрешь как бродячий пес.

— Хуже. Как чужак, — зачем-то вклинился в слова Гуннульва Гаук. Вклинился, поддакнул.

А когда ворота в частоколе, окружавшем селение Снежных Барсов, затворились за Сиграддом в последний раз, стояла уже ночь. Темная и нарушаемая лишь светом костров. Да еще почему-то луны и звезд. По причинам, непонятным даже для мудрецов, в ночные часы серая пелена с неба спадала. Неизменно возвращаясь лишь на рассвете. Чтобы скрыть от мира дневное светило.

Перед уходом с Сиградда сорвали клановый знак. Вырезанную из дерева маленькую фигурку барса, которую молодой охотник носил на шее, на веревке. Лишили его и ожерелья из собственноручно добытых звериных клыков и когтей.

Так что теперь Сиградд считался чужаком и для Барсов, и для любого другого из Северных Кланов. И теперь любой из обитателей этих суровых земель вправе был убить Сиградда. Не опасаясь мести со стороны его собратьев.

Причем и сам защищаться Сиградд не мог. Нечем было защищаться. Ибо оружие ему тоже пришлось оставить с внутренней стороны частокола. Так что даже смерть не могла быть избавлением для изгнанника. Но сулила лишь вечное скитание по Нижнему Миру, во мраке и страхе.

В расстроенных чувствах покидал Сиградд родное селение. Шел куда глаза глядят. И все равно, куда. А потому не заметил изгнанник настигшего его чужака. Того самого — старика в плаще и с посохом. И только сейчас к удивлению своему Сиградд заметил, что лыж старик не имел. Зато шел по сугробам, точно по тракту. Вышагивая легко и уверенно.

— Ты помог мне, добрый человек, — произнес старик, поравнявшись с изгнанником, — и теперь я хочу помочь тебе.

— Куда тебе, — печально вздохнув, отмахнулся Сиградд, — жалкий слабый старик — что ты можешь?

— Ну, для начала — показать тебе дорогу, — ничуть не смутившись, изрек давеча спасенный чужак, — а еще поклясться, что, отправившись со мной, ты уж точно ничего не потеряешь. Потому как нечего тебе уже терять. А вот приобрести...

— Ну, пойду я с тобой. И что? — все сомневался бывший охотник, — если не звери нас разорвут, то мои же бывшие собратья зарубят. Или из луков застрелят. Я ведь теперь не то, что тебя — сам себя защитить не смогу.

— Ну, — произнес в ответ старик, — уж, по крайней мере, я не такой и беспомощный.

С этими словами он взмахнул посохом... на вершине которого внезапно вспыхнуло несколько синеватых искр. Взметнувшись над головами Сиградда и его попутчика, миг спустя искры осыпались на снег. И превратились в призрачные фигуры волков. Волки бежали рядом с двумя людьми, окружая их, как и подобает страже.

«Да ведь он и впрямь колдун!» — осенило Сиградда, вспомнившего подозрения одного из бывших братьев-Барсов на суде.

А следом изгнанник подумал, что и нападение волков тогда, днем, на лесной опушке могло быть подстроено самим стариком-чужаком. Подстроено, дабы — что? Конечно же, надавить на жалость кого-нибудь из местных. И тем подтолкнуть его на нарушение обычая.

Так неужели выходило, что изгнали Сиградда из-за обмана? То есть, колдун намеренно сломал прежнюю жизнь молодого охотника — чтобы заполучить его себе? И для каких, интересно, целей?

Сиградд едва подавил в себе первое же, последовавшее за этими мыслями желание. Оторвать голову истинному виновнику своего нынешнего положения. Старику, набивавшемуся теперь в друзья.

Сиградд готов был убить его — но сдержался. И не только потому, что испугался колдовства. Вдобавок, убив старика, он убил бы надежду. Наверное, последнюю свою надежду на жизнь, а не существование.

«В конце концов, он прав: терять мне нечего, — подумал изгнанник, — а значит, чего я боюсь? И на что могу рассчитывать... кроме этого колдуна? Даже если он злой и коварный, хуже сделать он все равно мне не сможет. Куда хуже-то?»

Громopodobный бой исполинских часов на соборе возвещал богобоязненным жителям Каллена о наступлении полдня. Не ахти какое важное событие для большинства горожан: очередной проживаемый день перевалил за середину. Но для Равенны этот звук нес особый смысл. По крайней мере, сегодня. Ибо этот полдень обещал быть последним в ее отнюдь не долгой жизни. Так что не покривил бы против истины тот, кто сказал бы, что звонили колокола собора по ней, Равенне.

Час назад приходил святой отец — исповедать. Равенна отказалась. Сказала, что не чувствует за собой грехов... по крайней мере, сокрытых. Ведь все, что она могла скрывать, и так уже выдала. Братьям священника по вере. Тем самым, смиренным, но не отступным, кого и стар и млад знают как Святую инквизицию.

Инквизитору и его помощникам не пришлось даже прибегать к орудиям пыток. Достало лишь продемонстрировать хрупкой женщине весь арсенал церковного дознавателя — и хрупкая женщина сломалась. Просто потому, что панически боялась боли. А чересчур живое воображение не преминуло подсказать, какая это могла быть боль... на дыбе, например. Или в «сапоге». Или в тисках. Или когда раскаленный прут касается голой кожи. Да и прикрытой одеждой тоже.

Равенна призналась во всем. И в занятиях колдовством. И в том, что якшалась с дьяволом... да-да-да, это был именно дьявол, а не так называемые «силы природы» и «духи стихий». С отца лжи станется выдать себя за кого угодно. Подвернулся бы человек подходящий. Слабый в вере, лишенный истиной веры — и потому подвластный любому лукавству и искушению, как сухие листья даже слабому ветру.

Не стала Равенна отрицать и то, что хранила, изучала и (о, ужас!) переписывала, дабы сберечь для потомков рукописи безбожных язычников. То есть, идолопоклонников и бесопоклонников. Про то, что многие из этих рукописей достались ей в наследство от матери, Равенна, правда, умолчала. Но лишь потому, что инквизитор не спрашивал.

Наверное, продлись допрос чуть дольше, пришлось бы Равенне рассказать, как она ездила на шабаш. Именно так: на шабаш с вызовом дьявола и гнусной оргией. А не просто на встречу с двумя женщинами, занимавшимися примерно тем же, что и она. И готовыми обменяться знаниями.

Страшно было представить, какие «подробности» приписала бы этой встрече фантазия инквизитора — как цветы на навозе разросшаяся на следствиях обета безбрачия. Но уж, по крайней мере, о ней, встрече Равенны с парой чудом обнаруженных коллег, дознаватель не знал. Поэтому и не спрашивал.

А ближе к окончанию допроса Равенна все-таки не удержалась. И напомнила, не без надежды на оправдание, что колдовством своим спасла жизнь соседскому мальчику, умиравшему от холеры.

Что ж. Кто-то мудрый вроде говорил: «Пока дышу — надеюсь». Вот только в данном случае всякие надежды были напрасны. Какой угодно реакции ждала Равенна от инквизитора. Кроме той, что последовала в действительности.

«Спасла? — со злым... нет, горьким сарказмом переспросил непоколебимый в вере церковный дознаватель, — ты спасла лишь тело мальчика. Волшбой своей и обращением к адским силам погубив бессмертную душу. И теперь я сам и братья мои молимся за то, чтобы

эта невинная душа не досталась Нечистому на поругание».

Пришедший для исповеди священник был не чета давешнему инквизитору. Негромкий и мягкий голос. Добрые и понимающие глаза, в которых и в помине не было того фанатичного блеска, с каким дознаватель обращался к Равенне во время допроса. И, как признался сам святой отец, вовсе не за грехами он пришел к обреченной женщине. Но просто дать облегчить ей душу... а заодно хоть напоследок попробовать обратить в истинную веру. И тогда, быть может, Всевышний простит Равенну.

Как бы то ни было, но даже от предложенной душеспасительной беседы она отказалась. Сочла неразумным тратить на нее последний, отпущенный ей час жизни.

С другой стороны, подумала она с запоздалой досадой, когда священник ушел — а на что еще этот час потратить? Последний раз вдохнуть свежий воздух? Полюбоваться солнцем? Съесть что-нибудь вкусное? Ну, так в камере, где держали Равенну, не было даже крохотных оконце. Свежий воздух и дневной свет просто не могли проникнуть туда. С кормежкой в подвалах инквизиции дела обстояли не намного лучше, чем со свежим воздухом. Что до солнца, то его тем более Равенна не видела ни разу в жизни. Как и большинство тех, кто ныне топчет эту землю.

Часы на соборе продолжали бить, когда дверь в крохотную камеру с лязгом отворилась. Равенна успела насчитать семь или восемь ударов.

«Пора», — коротко велел женщине заглянувший монах. Плотный, коренастый и с простым лицом деревенщины.

Ослушаться Равенна не осмелилась. В противном случае пара увесистых кулаков напомнила бы женщине о ее месте в этом мире. И в предстоящем действе.

«Вот диво-то! — подумала Равенна, понуро двинувшись вслед за монахом, — что так, что эдак мне грозит смерть. А я еще чего-то боюсь...»

Раздумье было единственным отвлечением, или, если угодно, развлечением, пока она петляла на пару с коренастым монахом в темных коридорах. И покуда дожидалась этого «пора», прежде чем отправиться на свою последнюю прогулку.

Мысли Равенны крутились вокруг всего одного вопроса — как ей угораздило попасться. И по всему выходило, что не угодить на крючок Святой инквизиции она не могла.

И дело было не только в соседском сорванце и его недуге. Тем паче, и сам этот недуг в городах вроде Каллена — больших, тесных и грязных — был столь же в порядке вещей, как смена дня и ночи. На центральных улицах и площадях еще так-сяк, но там, где дома чуть ли не налезали один на другой, наверное, даже свиньи побрезговали бы жить. Но не люди! Собственно, большинство горожан именно там и жили. В этих теснящихся, просто-таки скученных домах. Так что, скорее, следовало удивляться другому. Как холера до сих пор не выкосила население Каллена поголовно.

И не само по себе доброе дело, Равенной свершенное, ее погубило. Даром, что говорила мать ей еще в детстве: «Ни один добрый поступок не остается безнаказанным». Да даже если б Равенна и отказала несчастной соседке, если б захлопнула тогда дверь перед нею, заплаканной и отчаявшейся — что бы это изменило? Скорее, появилось бы у Равенны на одного врага больше. И враг этот, соседка то бишь, первой бы побежала доносить на «злую ведьму».

А так... по крайней мере, Равенна могла утешать себя тем, что не соседка ее заложила. Не та соседка — несчастная мать, ее стараниями превратившаяся в мать счастливую. Но опять же, что это изменило? Ведь шила в мешке не утаишь.

Не заболеет вообще несчастный малец, а кто-нибудь все равно заметил бы странное. Заметил бы, что живет поблизости женщина вроде взрослая, а до сих пор не замужем. И в церковь не ходит. И время от времени ночью не спит — свет горит в окне. Масло драгоценное тратит... и на что вообще живет, интересно?

А главное: выглядит эта особа как-то... не по возрасту. У сверстниц вон, у кого брюхо и грудь обвисли после очередных родов, у кого синяк в пол-лица — дражайший супруг жизни учил. А у кого-то уже и морщины, пряди седые. Тогда как Равенна какая-то гладкая, гибкая и стройная до сих пор. Словно девочка.

Странно? Несомненно. А любые странности, как известно, от Лукавого. Так что донести на Равенну мог, по большому счету, кто угодно. Поводов хватало. А уж когда святые братья нагрянули к ней с обыском, когда обнаружили рукописи и ее собственные записи, отпираться уже не имело смысла.

Так думала Равенна, следуя за монахом. И к тому времени, когда оба вышли из подземелья на площадь перед собором, пришла к неожиданно успокаивающему заключению. Что все-де предопределено. Вся жизнь каждого человека от рождения до смерти. Ни то, ни другое сам человек, ни выбрать, ни изменить не может.

А костер, ожидавший Равенну посреди площади, хотя бы отчасти подтверждал эти измышления. Хотя бы применительно к самой этой женщине. В том, что сегодня она умрет, причем именно на костре, Равенна не сомневалась.

Собственно, загореться костру еще только предстояло. Пока же на площади перед собором высилась лишь куча дров со столбом, торчавшим над ее вершиной. А еще, прослышав о предстоящем действе, пожаловала к собору целая толпа. Не меньше сотни горожан. Одни переминались с ноги на ногу в ожидании зрелища, другие стояли недвижно, точно статуи. Оцепенели, не иначе... от страха? От осознания того, что однажды могут сами угодить на костер? А может, они опасались, что безбожная ведьма в последний миг попробует спасти себя — призвав на помощь все силы Преисподней?

Подталкиваемая монахами, Равенна поднималась на кучу дров, время от времени оглядываясь на толпу. И сама не понимала — зачем. Ненависти к этому сборищу запуганных простаков женщина не испытывала. И тем более не ожидала от них ни помощи, ни хотя бы сочувствия. Что взять с детей? С вечных детей, желающих развлечься. Хотя бы таким вот, жестоким, зрелищем.

Пока монахи привязывали Равенну к столбу, к толпе с помоста обратился инквизитор. Тот самый, что допрашивал незадачливую ведьму. Тогда, во мраке пыточной камеры, при скудном свете факелов да в окружении сулящих боль «инструментов», дознаватель казался Равенне не человеком вовсе, а сущим чудовищем. Или злым духом... карающим божеством. Теперь же при свете дня ничего устрашающего Равенна в нем не видела. Просто человек — весь тощий, иссушенный, точно вяленая рыба. И с рябым обезображенным лицом да с темными кругами под глазами.

Равенне даже жаль его стало... немного. Зато самому инквизитору чувство жалости, как видно, было чуждо. Давно и полностью.

— Погрязли мы во грехе, братья и сестры! — кричал дознаватель, вскидывая руки, — погряз во грехе этот мир. И расплачивается теперь. Отвернулся Севышний от нас — и солнце скрылось за пеленою дыма, что рождается в адском пламени. И усопшие пробуждаются, не находя вечного покоя. И твари из Преисподней вырвались на землю, чтобы терзать род людской. Поздно каяться, поздно! Время искупать пришло. И время

качать.

И сегодня заслуженная кара настигнет эту женщину, занимавшуюся богопротивной волшбой! За то, что не приняла она Всевышнего, за то, что колдовала, силы темные призывая, за то, что ввела в грех и искушение нашу сестру в вере и отдала дьяволу невинную душу, дитя оной — приговаривается она, колдунья, нареченная Равенной, к очищению огнем!

«Ах, вот как это у вас называется, — подумала Равенна, со странной отрешенностью то на инквизитора косясь, то поглядывая на одного из монахов, уже подносившего к дровам горящий факел, — не казнь, а очищение!»

— ...и да простит Всевышний ее заблудшую душу, — закончил, наконец, витийствовать церковный дознаватель.

Огонь факела соприкоснулся с дровами, перескочил на них. Дыхнуло жаром... и оцепенелость, отрешенность в тот же миг покинула Равенну. Как и утешительные мыслишки о покорности неизбежной судьбе. Остался лишь страх. Нет, ужас, в предчувствии боли, столь страшной, сколь и близкой. Боли, за которой ждет лишь окончательное Ничто. Конец всему.

И сама мгновенье назад того не ожидавшая, Равенна страстно захотела жить. Любой ценой. Готова была молить о пощаде, присягнуть на верность кому угодно и кого угодно выдать и предать. В рабство была готова отдаться. Готова была даже лизать деревянные башмаки и покрытые струпьями грязные ноги того оборванца, что стоял ближе всех к костру. Если б оный оборванец кинулся ее вызволять.

На все была готова Равенна. Но могла — лишь кричать. Кричать без слов, пока хватало сил. И с ужасом смотреть, как распространяется пламя, взбираясь все выше и выше. Все ближе и ближе подбираясь к ней, привязанной к столбу.

Внезапно Равенна уловила краем глаза какое-то движение в толпе. Кому-то вдруг надоело оставаться безликой частичкой этого сборища живых истуканов, равнодушных и жестоких.

Этим «кем-то» оказался здоровяк вида самого дикого. Лохматый, бородатый, в одежде из звериных шкур. Суций варвар!

Взревев, варвар прорывался через толпу, как вепрь через хлипкий кустарник. И потрясал руками, в каждой из которых было зажато по топору. Распугивал зевак, вынуждая уступить ему дорогу.

Кто-то предпочитал посторониться сам. Кого-то здоровяк отшвыривал с дороги пинком или ударом обуха одного из топоров. Как, например, толстяка-монаха. Одного из святых братьев, поставленных стеречь место казни — ну, чтоб никто из горожан не подходил к костру и помосту слишком близко.

Кроме монахов, на площади перед собором дежурили и бойцы городской стражи. Один из них, поняв, что происходит что-то неладное, кинулся наперерез варвару, держа алебарду наготове. Но здоровяк едва обратил внимание на такого противника. Оружие стражника он вывел из игры походя — перерубил древко алебарды. Самого же незадачливого вояку отпихнул плечом. А затем...

Равенна, например, привыкла считать, что такие вот мужчины, здоровые как бык, должны быть неуклюжи и медлительны. Но выскочивший на площадь варвар медлительным отнюдь не был. С неожиданной для своей стати ловкостью он одним прыжком вскочил на дрова — едва ли не на огонь пятками. Но боли отчего-то не чувствовал.

Взмахнув топорами в руках — раз, другой — здоровяк разрубил веревку, удерживавшую

Равенну у столба. А затем перед ошеломленными лицами зевак подхватил хрупкую женщину, взвалил на плечо. И времени не теряя, прыгнул вниз. Обратно на бульжники площади.

Инквизитор на помосте вопил, призывая остановить святотатца. Но куда там! Зеваки опасливо расступались, давая дорогу варвару и его живой ноше. Монахи так и вовсе предпочли ретироваться. Разве что один из стражников, вскинув арбалет, выстрелил здоровяку вслед. И вроде попал. Но точно в камень. Арбалетный болт отскочил от спины варвара, даже не проделав дыру в его меховой куртке-безрукавке.

«Колдовство», — испуганно зашелестело в толпе.

А неожиданный спаситель Равенны, хоть и остался невредим после выстрела, но шаг ускорил. Потому как зелье, делавшее его почти совсем неуязвимым, действовало всего две сотни ударов сердца. И большая часть из этих двух сотен уже миновала.

И от родителей, и от священника из церкви, где каждую седмицу собиралась вся родная деревня, Освальд еще сизмальства узнал, что значит жить честно. То бишь, правильно и праведно. Означало это... служить. Все равно как — с сохой ли, с кувалдою в руке или с оружием. И не так важно, кому. Главное, что честный человек большую часть жизни тянет лямку, гнет спину. Жертвует собой ради других. А если сил уже не остается лямку тянуть, человек поскорей умирает, избавляя ближних от лишнего рта. И уж тогда считается образцом и во всем примером. Чуть ли не героем, чуть ли не святым. Коему остальным смертным надлежало завидовать. Да искать в себе силы совершить такой же простой и незаметный подвиг самим.

В общем, раскрыли понятие честности Освальду более чем доходчиво. Другое дело, что стезя честного человека его так и не прельстила. Если о чем он и мечтал, то не о том, как будет гнуть спину, а как будут гнуть спину на него. А коль человеку кровей отнюдь не благородных такая участь и близко не грозила, пришлось Освальду по мере взросления свои мечты и желания несколько ограничить. Превратив во что-то, что под силу воплотить простому деревенскому шалопаю — без титула, богатства и покровителей.

А решил, в конце концов, что хлеб свой добывать ему придется хоть собственными силами, зато никому не служа. Не считаясь никому должным. Неправедным путем, проще говоря.

И для тех, кто встал на несправедную стезю, возможности имелись следующие.

Во-первых, Освальд мог перебраться в большой город. Где много народу. А значит, и много денег... лишних. Которые могли бы стать его. А чтобы стали, надо было проводить дни, сидя на паперти или на одной из тех улиц, где располагаются торговые лавки. И просить, вызывая к себе жалость окружающих голосом и внешним видом. Те же, кому и просить долго-хлопотно-унизительно, могли деньги потребовать. Угрожая их владельцу ножом. Ну, или тихо и незаметно взять самому. Стянуть, как говорят.

Во-вторых, счастья можно было попытаться на одной из бесчисленных дорог, соединявших города и селения. Здесь уж без всяких просьб — просто нападать на путников или торговые караваны. И требовать свое с оружием в руках.

Но вот загвоздка. Даже в городе, чтобы избежать неприятностей, человеку, будь он хоть трижды нечестным и несправедным, все равно предпочтительней было примкнуть к объединению себе подобных. Чему-то вроде ремесленных цехов. К гильдии нищих, например, к гильдии воров. На дороге же, так и вовсе орудовать в одиночку было равносильно самоубийству. К шайке следовало прибиться — таких же любителей несправедной поживы.

Освальд же предпочитал быть сам по себе. А уж делиться добычей с кем бы то ни было... помилуйте, да чем оплата членства в той же гильдии воров лучше кабалы какого-нибудь работяги под рукой барона-бездельника или жирного скупого купчины?

И потому он выбрал третий путь. Мотался из селения в селение, из города в город, нигде не задерживаясь больше чем на пару суток. Но и за эти сутки успевал немало. Успевал сбыть добычу от предыдущей ходки и хоть отчасти ее промотать. Успевал забраться в чей-нибудь дом. И вылезти оттуда не с пустыми руками. А главное, успевал вовремя смыться. Прежде чем на него обратят внимание, что стражи закона, что местные ночные заправилы.

Еще Освальд не прочь был пристать к какому-нибудь каравану. Выдавал он тогда себя за наемника. Благо, оружием тоже научился владеть неплохо. А главное: соглашался сопровождать и защищать караван даже за самую мизерную плату. Никогда не торговался.

Купчины очень ценили это. И клинок лишней к своим услугам, и удивительную сговорчивость, покладистость его владельца. Особенно когда в очередном городе трудно бывало набрать охрану по сходной цене. Чуть ли не бегать за наемниками приходилось. А догнав — рядиться, тщась выторговать в свою пользу хотя бы лишнюю медяшку.

Если же наемник приходил сам, то принимали его, конечно, с распростертыми объятьями. А если еще и соглашался на все условия, тогда и вовсе почитали такого наемника за подарок судьбы.

Правда, радости у купчины обычно сильно убавлялось, когда в очередную ночь пути Освальд сбегал. Да не один, а прихватив имевшийся при караване запас денег.

Удрав, Освальд старался отойти подальше от пути, которым следовал караван. После чего находил какой-нибудь трактир, где и проматывал деньги, тратя их на еду, выпивку и продажных девок. Называл он это «отдыхом». А «отдохнув» таким образом — снова отправлялся в путь.

Облапошивание караванщиков было самым прибыльным занятием в воровском промысле Освальда. А отдых после него — наиболее долгим и насыщенным незатейливыми приятностями бродяжьей жизни. И потому не стоило удивляться иронии судьбы: именно дельце, проведенное с очередным караваном, довело этого вора до петли.

Возможно, на сей раз он не успел убраться достаточно далеко. А может, выследили его. Или доложил кто. Или слухи о вероломном молодчике, прикидывавшемся наемником, чтобы затем сбежать с хозяйским кошельком, дошли-таки до очередного купчины. Как бы то ни было, но сам оный купчина и люди его Освальда настигли. Ворвавшись в обеденную залу трактира как раз, когда бродяга сидел там за одним из столов. В окружении новых дружков, коим он поставил выпивку. И с девицей на коленях.

— Вот эта тварь! — завопил купец, тыча пальцем в сторону Освальда. Тогда как наемники в количестве не меньше десятка выдвинулись вперед. И с мечами наголо направились к столу.

Дружков-собутыльников как ветром сдуло. Даром, что один из них буквально только что похвалялся, как в одиночку пятерых в драке раскидал. Освальд поймал его теперешний взгляд — стыдливый и трусливый одновременно. А еще раньше и уж совсем незаметно соскользнула с колен и убралась восвояси девка.

Один из вышибал шагнул было в сторону Освальда и наемников, но трактирщик остановил его, положив руку на плечо. Не наше мол, дело. Зато боком выйти может.

А купчина все не унимался:

— Вор! — кричал он, — хватайте его! Ворюга! Хватайте — и на дерево. И денежки, денежки не забудьте.

Услышав про дерево, трактирщик вмешался было в происходящее.

— Э-э-э... может, в суд его? Властям передать? — осторожно предложил он, подходя к купцу.

Но тот был в ударе. И отмахнулся от предложения как от мухи.

— В какой суд? Каким к хренам собачьим властям?! — завопил он в ответ, — да этой крысе один суд: веревка на суку и петля на шее! Да и где ты тут видишь власти? Искать их предлагаешь? Только время терять!

А наемники уже обступили стол, занимаемый Освальдом. Встали кругом, нацелив мечи на незадачливого беглеца.

Как уже говорилось, с оружием бродяга-вор был знаком не понаслышке. И даже из такого окружения имел шансы вырваться — сперва высмотрев среди противников того, кто послабее и его атаковав. А вырвавшись, удрал бы из трактира прочь. И хотя бы мог вынудить купчину и наемников еще погоняться за собой. Авось, отстанут.

Да, мог бы Освальд многое... если б был трезвым. Но за время сидения в обеденной зале трактира успел порядочно набраться. Едва ль не бурдюком себя чувствовал. Так что о бегстве точно речь не шла. Даже с лавки поднялся да удержался на ногах Освальд с трудом.

Поняв, что вероломный товарищ по оружию (бывший) в теперешнем своем состоянии неопасен, двое наемников мечи убрали. И, подхватив Освальда под руки, волоком потащили его к выходу. Во двор трактира. А потом и со двора. К не иначе как заблаговременно присмотренному тополю — достаточно высокому и крепкому, чтобы послужить виселицей.

Подоспевший следом купчина собственноручно завязал петлю на шее Освальда. Сразу трое наемников приподняли попавшегося беглеца, подхватив его за ноги. Еще один накинул веревку на сук потолка и осматривался, ища взглядом, где бы ее закрепить.

Что до самого бродяги, то он не столько был напуган, сколько растерялся. Мучился вопросами, ответы на которые подыскать его притупленные хмелем мозги были не в силах. Сопротивляться ли ему хотя бы напоследок или просить пощады, молиться или проклинать — Освальд так и не успел определиться до самого последнего мгновения. Так и провисел в руках наемников точно огромная тряпичная кукла. Да только и сумел прохрипеть: «А хоть отлить-то можно?»

Ни купец, ни его охранники и бровью не повели. А выпитое меж тем ошутимо просилось наружу.

А за миг до того, как державшие висельника наемники готовы были его отпустить, оставляя болтаться в петле, случилось нечто неожиданное. Сверкнула молния — даром, что не было на небе ни тучки. Только серая пелена, давно считавшаяся столь же привычной, как засилье крыс и вшей в городских трущобах.

Тем не менее, молния и впрямь была. Причем сверкнула совсем близко — от яркой вспышки и Освальд зажмурился, и удерживавшие его наемники дрогнули.

Грома, как можно было ожидать, за этой вспышкой не последовало. Зато ударила молния не абы куда, а прямым в веревку. Мгновенно ее испепелив.

Никем и ничем не удерживаемый более, Освальд плюхнулся на росшую под деревом траву, точно куль с мукой.

— Эй, вы! Отойдите от него! — сквозь настигшую его боль, услышал бродяга высокий гневный голос. Принадлежавший, как видно, то ли женщине, то ли подростку.

Наемники попятились, мелко семеня и размыкая подобие строя, что дало несостоявшемуся висельнику разглядеть своего, как он надеялся, спасителя. Вернее, спасительницу. К Освальду и его незадачливым палачам решительным шагом приближалась женщина — невысокая, стройная. Едва ли она могла бы напугать десяток с лишним здоровых, обвешанных оружием мужиков... если бы во вскинутых ее руках со скрюченными растопыренными пальцами не плясала голубоватой змейкой молния. Вроде той, что уничтожила веревку, петлей завязанную на шее Освальда.

— Колдунья... ведьма! — дрожащим голосом пробормотал кто-то из наемников. А еще один сбивающейся скороговоркой залепетал молитву.

Вор-бродяга не знал, что лишь пару месяцев назад эта женщина, внезапно пришедшая к нему на выручку, хоть имела кое-какие магические умения, но против других людей их не использовала. Вообще, изучала волшебство, чтобы с ее помощью лечить болезни — хотя бы себе. Облегчать жизнь. Да и само по себе приобщение к новым знаниям, поиск оных было для нее интересным. Увлекало, как иных людей охота или азартная игра.

И лишь едва избежав смерти, прежде безобидная волшебница поняла, что в этом мире нельзя выжить, оставаясь безобидным. А коль так, пришлось ей научиться защищать себя. Да что там, даже нападать, если потребуется. Новые же знакомые бывшей целительницы из города Каллена охотно поделились с ней: один — знаниями, другой — боевым опытом. Да самим взглядом на мир, как не то на сплошное поле боя, не то на охотничьи угодья. Где обитает всего две разновидности живых существ: охотники и добыча.

Так что теперь, пожаловав к месту едва не состоявшейся казни бродяги Освальда, выглядела прежде скромная целительница сущей фурией. Глаза сверкали, а лицо озарилось ярким холодным голубоватым сиянием — точь-в-точь, как свет молнии в ее руках. Волосы растрепались, развеваясь над головой, будто от сильного ветра.

Но не все наемники струхнули от такого зрелища. Возопив «Сгинь, нечисть!», один из них ринулся прямо на волшебницу с мечом. Ему-то и досталась молния в руках женщины. Ударившись в грудь воина, световая змейка рассыпалась на множество змеек поменьше, расплзшихся по кольчуге, заплескавших на ней.

Наемника затрясло на месте, словно в припадке. Затем змейки-молнии разом погасли, и охранник замертво рухнул на землю, распространяя вокруг себя запах горелого мяса.

Желающих разделить участь незадачливого храбреца не нашлось. Вовсе не так они представляли свою работу. К купчине завербовались, чтобы пополнить свои кошельки, отпугивая от его товаров городских оборванцев да всякую голытьбу из нищих деревень.

Догнать и помочь расправиться с какой-нибудь мелкой сошкой, вроде одиночки Освальда? Это тоже наемных бойцов вполне устраивало. Небольшое приключение с заведомо благополучным исходом вносило в рутинное путешествие по торговым трактам приятное разнообразие. Но вот класть головы, кидаясь в бой против силы, превосходящей возможности простых смертных — такой расклад в планы наемников никоим образом не входил. И цена не имела значения. Ибо на том свете деньги все равно ни к чему.

И потому, не стовариваясь, но все разом, наемники решили с дороги колдуньи убраться. Желательно, подальше. Пусть хоть поджарит купчину, втравившего их в эту историю — ни один из его охранников и слова бы против не сказал.

А окончательно принять это решение наемникам помог еще один человек. Рыжебородый громила, вышедший из ворот трактира с двуручным топором наперевес. Вышел и встал рядом с метающей молнии ведьмой, давая понять, на чьей он стороне.

Не желая тем более драться еще и с громилой, наемники один за другим вернули мечи в ножны. И так же дружно зашагали к трактиру.

— Все в порядке, — проговорил один из них, окликнув волшебницу и громилу, — мы сюда не воевать пришли.

А другой охранник вроде как попробовал оправдаться перед нанимателем. Или совет дать.

— Деньги вернул, — спросил он у купчины сугубо риторически, поскольку кошель с оставшимися монетами все же успел возвратиться к законному хозяину, — ну так и плюнь. А этот... козел пусть живет. Тебе какая разница?

Крыть купчине было нечем. Да и без толку. Так что он не придумал ничего лучше, кроме как последовать за охранниками. Во двор трактира, где остались неразгруженными возы с товаром. Его товаром, что ценно.

А громила и колдунья, что теперь выглядела как обычная женщина, подошли к одиноко валявшемуся под топодем Освальду. Громила протянул спасенному руку, помогая подняться.

— Премного благодарен, — проговорил Освальд заплетающимся языком, после чего икнул, затем едва не рухнул на землю снова, но успел удержаться за ствол дерева, едва не ставшего для него виселицей.

А еще до него дошло, что отливать больше не требуется. Что, впрочем, скорее, огорчило его, чем порадовало. Ибо портки тоже жалко было.

— Уж простите, — продолжал вор, повторно икнув, — только заплатить вам нечем... уже. Сами понимаете. Купчина... тот... они все такие. Как вцепятся... скорее, разорвут монету... надвое. Чем уступят один другому.

Его спасители переглянулись, и волшебница пожала плечами. Какая, мол, разница. Ты нам нужен не за этим.

Сэр Андерс фон Веллесхайм застыл над глиняной кружкой с дешевым пойлом. Не то отражение свое в ней высматривал, не то пытался увидеть вместо оною свою судьбу. Или, к примеру, ответ на единственный вопрос, мучивший его не первый месяц.

Как, почему такое случилось, что он, отпрыск одного из знатнейших родов страны, оказался в таком положении? Его дед ходил в поход на далекий пустынный юг по благословению Святого Престола. Его отца принимали при дворе короля. А он, непутевый потомок славных людей, вынужден просиживать в грязной таверне какого-то, Всевышним забытого городишки. И травиться пойлом, которое в былые времена постыдился бы и псу в миску налить забавы ради.

Причем даже за пойло и кормежку, столь же тошнотворную, платить сэру Андерсу было нечем. Не было у него с собой ни гроша. Вообще не было ничего, кроме того, что было на него надето... и меча.

Собственно, именно меч и помог ему хотя бы не умереть от жажды и голода. Потому что даже держатель этой таверны поначалу не собирался привечать сэра Андерса и хотя бы пускать на порог. В потомке старинного рода он видел не более чем кабацкую голытьбу — одного из многих, чьи кошели пусты, но желание попить-поесть имеется. И держатель таверны не собирался это желание неплатежеспособного посетителя утолять. Особенно каждый день.

Однако удаче оказалось угодно хотя бы чуток улыбнуться рыцарю, ставшему бродягой. Так солнце, говорят, и в нынешние времена нет-нет, а проглянет сквозь треклятую серую пелену. Чтобы подарить многострадальному миру хотя бы лучик-другой.

Таким вот лучиком для Андерса фон Веллесхайма суждено было стать ватаге лесорубов, нагрянувших в таверну под вечер. С промысла своего они явились не столько усталыми, сколько возбужденными, голодными, наглыми и громогласными. Причем недостатка в силе, судя по всему не испытывали. Будто не тяжелым трудом весь день занимались, а били баклуши.

И вот беда: даже прежде, чем они прикоснулись к выпивке, успели натворить лесорубы немало бед. Успели набить морду подвернувшемуся пареньку из мастеровых. Успели перевернуть какой-то стол, побив заодно посуду, которую с него не убрали. И девицу-подавальщицу не преминули похватать кто за грудь, кто за зад. Да заодно как помоями облить похабными остротами и «комплиментами» под грубый гогот товарищей.

Чего в таком случае ждать от лесорубов уже захмелевших — держателю таверны страшно было представить. Бедняге подумалось даже, что этот вечер заведение его могло и не пережить. А выставить полдюжину мужиков держатель не мог. Те его едва ли даже на трезвую голову бы послушали. Не было надежи и на вышибалу. Единственного. Те пятеро его самого могли вышвырнуть через порог. Только и оставалось, что звать на помощь.

И вот тогда-то держатель таверны вспомнил о попрошайке, коего он накануне самолично прогнал с порога. Попрошайка, что ценно, был с мечом — держатель таверны заметил. А значит, даже против численно превосходящего противника имел шансы. При условии, что противник тот безоружен. И если сам бродяга впрямь владел мечом. А не просто таскал эту железяку красы ради.

Движимый надеждой, держатель таверны выглянул на улицу. И, осмотревшись,

вздыхнул, почувствовав хотя бы подобие облегчения. Бродяга с мечом далеко уйти не успел. Но околачивался на противоположной стороне улицы, подле булочной. То ли стянуть чего намеревался себе на пропитание, то ли просто душу травил. Вдыхая аромат свежей выпечки.

— Эй! — окликнул его с крыльца держатель таверны, — не знаю, как тебя зовут, но... помоги, а! Выпивка и харч за мой счет.

Наверное, и года не прошло с тех времен, когда Андерс фон Веллесхайм готов был за подобное «эй!» на дуэль вызвать. Другого дворянина. Простолюдина бы он так и вовсе просто зарубил. Ну, или мог сделать вид, что не услышал окрика — при хорошем настроении.

Но те времена прекрасные миновали. И замок, и земли родовые просто-таки протекли у сэра Андерса сквозь пальцы. Остались лишь титул да меч. Так титул-то, даром, что знатный, на хлеб не намажешь. И мечом железным не закусишь. Потому выбор у рыцаря-бродяги остался небогатый. Либо принять предложение держателя таверны. Либо и дальше мотаться по улицам или дорогам, пробовать охотиться — что не очень-то получалось в одиночку, а то и вовсе подбирать объедки, которые бросают бродячим собакам. Ну и еще глотать слюну, вдыхая ароматы, доносящиеся из булочных или мясницких лавок.

Не раздумывая ни мгновения, потомок рода Веллесхайм выбрал первый вариант.

В таверне держатель лишь молча указал пальцем сэру Андерсу на нарушителей спокойствия. Да и это оказалось лишним. Лесорубы успели проглотить примерно по паре кружек пива на брата. И уже двое из пяти были настроены на драку — до поры, за неимением лучшего, друг с другом. Они вышли из-за стола, толкались, обменивались однословными ругательствами и непонятными посторонним претензиями. Причем все повышая и повышая тон. Один еще плюнул. Хотел наверняка в другого лесоруба или хотя бы на пол, но попал себе на изрядную бороду. Отчего еще больше разъярился.

Вынув меч из ножен, сэр Андерс направился к буйным гулякам.

Убивать он, конечно, никого не стал. Тем паче, это было и чревато в подобных мелких городишках, где все друг другу знают, и всякий приходился остальным, кому приятелем, кому родственником, кому добрым соседом. За чье убийство наверняка бы нашлись желающие отомстить. И еще больше — готовых в случае надобности выгородить мстителя. При таком раскладе не то, что убийце-чужаку не поздоровилось бы. Могли и самой таверне пустить красного петуха. Так, заодно.

Да и не понадобилось убивать. Андерс просто ухватил одного из готовых подраться лесорубов свободной рукой за плечо, резко развернул к себе — и одним взмахом меча распорол ему рубаху да рассек пояс. Лишившись опоры, штаны гуляки соскользнули на пол.

Лесоруб растерялся. Замер. Менее всего он ожидал такого поворота событий. Застыли и его товарищи — уставившись на невесть откуда взявшегося человека с мечом. Сообразили, что драка, если все-таки и состоится, наверняка выйдет отнюдь не забавой, не развлечением. Или развлечением, но не для них.

И все пятеро как воды в рот набрали. Только один попробовал неуклюже сострить, обращаясь к лишившемуся штанов товарищу:

— Теперь понятно, почему та бабенка называла тебя «мой малыш», — да сам же один и гоготнул над этой фразой.

Еще одно неуловимое движение клинка — и борода горе-остряка... вернее, большая ее часть превратилась просто в клочок волос. Который наверняка бы упал лесорубу на колени, не поймай тот его рукой. Следом на эту руку упала капля крови. Из царапины, которую

оставило острие меча.

— Ты... — дрожащим голосом проговорил обескураженный лесоруб, — ты что делаешь... дьяволов пес?

— Пошли вон! — негромко, но веско и повелительно произнес сэр Андерс. Словно вновь, хотя бы на миг оказался в родном замке и обращался к прислуге.

Да, велений идти вон, подальше, причем навсегда, он и сам успел послушаться. Сперва от младшего брата Рихарда, едва дождавшегося, когда пройдет сорок дней после смерти отца. А после — едва ль не от каждого встречного. Хоть лавочника, хоть трактирщика, хоть даже кухарки или слуги, которого поколачивает хозяин.

Воспротивиться Рихарду, даром, что был он младшим, сэр Андерс, сам того не ожидавший, оказался не в силах. Пока старший из братьев проводил дни на охоте или оттачивал умение владеть мечом, младший нужные себе мечи... просто прикупал. Распоряжался родовой казной уже почти свободно — даром, что от отцовского имени. Так что большинство ратников, служивших при замке, были к тому времени людьми, набранными Рихардом лично. И потому лично Рихарду верными. Еще братец успел поладить с другими родами — связанными с Веллесхаймами то родственными связями, то вассальными и союзническими клятвами. Так что на их поддержку сэр Андерс в поисках правды тоже рассчитывать не мог.

Будучи же изгнанным из родового замка, незадачливый потомок рода Веллесхайм тем более не мог ничего ответить, услышав требование идти вон. Всякий простолюдин и бедняк, зато имевший крышу над головой считался заведомо выше, чем рыцарь-бродяга.

Но, несмотря на все это быллой властности голос сэра Андерса, оказывается, не утратил. Проявилась она, когда нужда в ней возникла. На простолюдинов же такой голос действовал обычно, как кнут на лошадь. Так уж их воспитывали — с младенчества.

А может, лесорубов больше напугал металл меча, а не металл в голосе его владельца. Скорее всего, пригодилось и то, и другое. Как бы то ни было, а предпочли лесорубы из таверны от греха подальше убраться. Уходили понурыми и оробевшими — ничуть не напоминая лихих гуляк, каковыми были до появления страшного человека с мечом. А один из пятерых, вдобавок, еще и поддерживал на ходу готовые вновь свалиться штаны.

Что до держателя таверны, то он в свою очередь не только не остался в долгу. Но и поблагодарил Всевышнего за то, что послал ему человека с мечом, готового за выпивку-еду-ночлег разгонять из таверны особо злостных нарушителей спокойствия. Ведь держать при заведении такого человека выйдет всяко выгоднее, чем платить звонкую монету вышибале. И, как показала история с лесорубами — куда полезнее.

Смекнув это, держатель таверны недолго думая... решил прикормить сэра Андерса. А тот и не подумал возражать. Да, место, выделенное отпрыску рода Веллесхайм для ночлега, было на чердаке, на жестком тюфяке. И кормежка, что ему подавали, частенько состояла из объедков, оставшихся от посетителей — платежеспособных. А уж какой была здешняя выпивка!.. Чуть ли не каждый из жителей городка готов был поделиться впечатлениями от нее. Особенно утренними. Причем слова, которыми выражались эти впечатления, редко бывали достойными записи.

Но даже такие условия казались Андерсу райскими. После ночевки под открытым небом, вдобавок пролившимся дождем. Или хотя бы схватки с бродячими псами за огрызок окорока.

Сколько же успело пройти времени с тех пор, как он осел при таверне — Андерс не

знал. Сбился со счета... вернее, вообще перестал дни считать. Какой смысл во времени, если в жизни ничего не меняется, и изменений, похоже, не предвидится? День за днем рыцарь-изгнанник только и делал, что либо валялся на тюфяке, либо просиживал за столом в таверне. Перед тарелкой с объедками или чем-то еще малоаппетитным или кружкой гадкого пойла. Иногда — за болтовней с держателем таверны или кем-то из obsługi. Еще время от времени потомок рода Веллесхайм упражнялся на улице с мечом, дабы не растерять навыков. Но как-то все реже, реже.

Вот и на сей раз всем возможным занятиям сэра Андерс предпочел кружку хмельной гадости. Снова склонился над нею... скривившись, отхлебнул. Да отметил про себя, что так и не утратил до сих пор брезгливости человека благородных кровей. Не до конца утратил, по крайней мере. Хотя надолго ли?

Оторвавшись от кружки, рыцарь-бродяга заметил, что за один с ним стол кто-то подсел. Какой-то парень внешности заурядной, не слишком приметной.

Из-за этой самой неприметности сэра Андерс не знал, что парень этот давно уже здесь опивается. Не меньше седмицы. Следит за ним, прислушивается к его пьяной болтовне. Сам расспрашивает obsługy и посетителей. А чтобы не вызывать подозрений, делится с собеседниками содержимым своего кошелька.

— Привет, — обратился парень к Андерсу теперь уже напрямую. Взгляд его показался рыцарю-изгнаннику нарочито честным, а голос располагающим к себе. Что было в самый раз для жулика или торгаша.

В другое время потомок рода Веллесхайм не стерпел бы столь фамильярного к себе обращения. Особенно от простолюдина. Не говоря уж о том, что свалился на него новоявленный сосед по столу как снег на голову. Вот только во времена нынешние даже оный сосед наверняка имел положение выше, чем у него, Андерса. Хотя бы потому, что имел собственное жилище и работал едва ли за еду. И вообще, ссориться с посетителями таверны без нужды не стоило. Дабы держатель ее в свою очередь не усомнился в полезности Андерса и не выставил его за дверь.

Тем не менее, радости рыцарь-бродяга при виде соседа по столу не выказал.

— Выпивку покупай сам, — проворчал он.

— Так я не из-за выпивки, — парень усмехнулся, — я лишь спросить хотел. Один всего вопросик! Не желает ли часом сэра рыцарь вернуть себе родовой замок?

Вопрос попал в яблочко. Хмельную одурь с сэра Андерса как ветром сдуло. Вместе с покорностью судьбе. Или, правильнее сказать, равнодушие к оной, достойное смертника.

Назвать это место домом значило бы сильно поскромничать; назвать замком — напротив, тянуло на лесть. Когда-то, несомненно, здесь и вправду высилась твердыня владетеля этих земель. Который не мог, впрочем, похвастаться большим богатством и могуществом. Поскольку размеры тот замок имел не слишком внушительные, судя по тому, что от него осталось.

А осталось, увы, немного. Крепостную стену давным-давно разрушили во время осады, в очередную междоусобицу. Да так и не восстановили. Окончательно же добились бывшее укрепление ветра и дожди, влага растаявшего снега. И, разумеется, любители дармовых благ. Например, бесплатных камней, которыми можно и дорогу вымостить, и пристройку из них какую сложить. А то и вообще целый дом, который выйдет всяко крепче бревенчатой избы.

Таких людей, затеявших строительство, но не желавших тратить на оное что-то окромя собственных сил, проживало в окрестностях, как видно, немало. Так что к нынешним временам от стены осталось лишь несколько больших груд камней. Эдаких рукотворных утесов, что до сих пор возвышались среди деревьев и кустов.

Большинство построек в замковом дворе постигла примерно та же судьба, что и стену. Дерево сгорело или сгнило. Камень пригодился в чьем-то хозяйстве. И лишь донжон еще стоял, грозя небу остроконечной крышей башенки-надстройки.

Да, и эта крыша местами прохудилась. Стены ветшали. А многочисленные комнаты в большинстве своем теперь были населены разве что пауками, крысами, да залетными птицами, проникшими внутрь через лишенные ставен окна.

И, тем не менее, даже здесь жили люди. Имелась даже прислуга, занимавшаяся готовкой пищи, стиркой да изо всех своих скромных сил пытавшаяся поддерживать порядок хотя бы в тех помещениях, что были еще обитаемы.

По ночам в окнах бывшего донжона мог гореть свет, изнутри доносились странные звуки. Так что случайные прохожие предпочитали обходить его и вообще заглядывать в эти места как можно реже. Хотя имелся, по меньшей мере, один торговец, аккурат раз в месяц подвозивший к развалинам замка муку, мясо, овощи, а также разные мелочи — несъедобные, но в хозяйстве не бесполезные.

Возможно, он тоже побаивался. Но стремление к наживе страх обыкновенно пересиливало. А расплачивались с поставщиками здесь щедро, не торгуясь.

Из пяти человек, однажды собравшихся за столом в одной из комнат бывшего донжона, один прибыл только что — звали его сэр Андерс фон Веллесхайм. Двое других, напротив, успели прожить здесь каждый не один месяц. И кое-чему научиться. Могучий северянин Сиградд, сын Торда, познакомился со здешним оружием: более совершенным, удобным и действенным по сравнению с грубыми поделками его соплеменников. А целительница из Каллена по имени Равенна, которую не так давно инквизиция обвинила в колдовстве, стала в этих стенах настоящей колдуньей. Овладев боевыми заклинаниями и вредоносными чарами.

Четвертый, бродяга и по совместительству вор, Освальд успел прожить под крышей древнего строения всего несколько дней. И прежде, чем пустился в новый путь (не по своей, причем, воле) жизнь такая успела ему понравиться. Кров есть, кормежка задаром, никто не норовит повесить или чиркнуть по горлу ножиком. С другой же стороны — никакого гнутья спины, никакого навязанного долга и прочих прелестей «праведного» существования.

А пятый человек — он сидел во главе стола — считался хозяином того, что осталось от замка. Худой и сутулый старик с седой бородой, высоким лбом и мудрым, но в то же время чуток насмешливым, взглядом. Сиградд прозвал его про себя Путником, Равенна Учителем, а Освальд Дедулей. Что до сэра Андерса, то рыцарь-попрошайка никак не называл хозяина вовсе. Зато успел отметить и жилище его, запущенное, более похожее на руины и потому не внушавшее доверия. Вернее, не внушал доверия в глазах отпрыска рода Веллесхайм сам старик. Представившийся, кстати, как мастер Бренн.

Равенна еще подумала, что имя это, простенькое и какое-то безликое, незапоминающееся, могло оказаться и ненастоящим. Среди некоторых колдунов и ведьм до сих пор бытовало поверье, что истинное свое имя от посторонних людей лучше скрывать. Не то, чего доброго проклятье нашьют, порчу.

На самом деле, чтобы проклясть человека, имени не требовалось. Достаточно было волоска с его головы, нитки с одежды или какой-нибудь личной вещи. Узнала Равенна об этом, как ни странно, как раз от мастера Бренна. Как и то, что именно из целителей получают лучшие колдуны-убийцы. Ведь тот, кто умеет вылечить человека и знает, что для него полезно, тем более обязан знать, что и как может нанести ему вред.

К слову сказать, знала Равенна и это. А благодаря мастеру Бренну теперь с успехом это знание применяла.

— Дорогие гости, — обратился ко всем четверым хозяин бывшего донжона, сидя во главе стола, — каждый из вас еще жив, но жизнь свою, как ни странно это прозвучит, успел потерять. Я говорю о привычной жизни. О родном доме, о множестве каждодневных мелких дел, занимавших вас. Об основном занятии, что вас кормило; о родных и друзьях. Все вы лишились этого. А двое из вас даже едва избежали самой смерти.

С этими словами он перевел взгляд сначала на Равенну, затем на Освальда.

— Как ты сможешь вернуть мне замок, старик? — подал голос нетерпеливый сэр Андерс, не слишком утруждавший себя следованием застольному этикету, — ты колдун?

Равенна бросила в его сторону злобный взгляд — учителя своего нового она едва ли не боготворила. Но промолчала. Зато мастер Бренн ответил вслух. Хотя и не по порядку.

— Я ученый, благородный сэр, — молвил он вежливо, но веско и твердо, — а ученый просто не вправе пренебрегать знанием — любым. Хоть даже и колдовским. Священные тексты я изучал тоже, если вас это успокоит. Как и трактаты философов древности да разные легенды. Включая иноземные. Кстати, если в этих краях колдунов жгут на кострах, то в некоторых странах это ремесло, напротив, считается почетным. Это вы знали, сэр Андерс? Иным из волшебников даже поклоняются как богам.

Рыцарь-изгнанник пробормотал что-то неслышное, поморщился, будто съел какую-то гадость. Даром, что кормежка в некогда уютнейшей его таверне ни в какое сравнение не шла с содержимым стоявшей перед ним тарелки.

Тогда как хозяин продолжал, все так же невозмутимый:

— Теперь переходим к главному. А главное для меня — это проблема. Есть проблема, значит, должно быть и решение. Мой долг ученого — найти его. И какая разница, где? Пусть даже в колдовской книге, чья обложка изготовлена из кожи, живьем содранной с девственницы. Я не против. Да, священники говорят, что даже прикасаться к таким книгам — грех, что я могу погубить свою душу. Что ж, я со своей стороны не запрещаю им молиться за меня. За мое спасение и прощение. Пусть! Да-да, пусть каждый занимается своим делом.

Последнюю фразу он уже отчеканил, а в мягком вроде голосе появились стальные

нотки.

— Как понимаю... проблема, которую вы хотите решить — мой замок? — осведомился сэр Андерс. На хозяина каменных останков разрушенной твердыни он смотрел теперь, хоть и без доверия, без тепла во взгляде, но с толикой уважения.

— Замок ваш, сэр Андерс фон Веллесхайм, — было ему ответом, — суть частный случай. Одна из многих капель потока, грязного и зловонного, который обрушился на наш несчастный мир. Давненько обрушился, надо сказать. Многие даже привыкнуть успели. Делают вид, будто так было всегда. Но вы-то, надеюсь, не станете отрицать, что с этим миром не все в порядке?

— Солнце, — коротко бросил со своего места Освальд. Этим единственным словом и ограничившись. Остальные тоже не стали ни дополнять его реплику, ни задавать вопросов. Одно только упоминание дневного светила, ныне скрытого за серой пеленой, само по себе передавало суть. И в пояснениях не нуждалось.

— Солнце, — кивнул, соглашаясь, мастер Бренн, — ту пелену, кстати, еще иногда называют «небесным саваном». Символично, не правда ли? Но дело не только в солнце и в закрывшей его пелене. Это уж так, самый заметный из симптомов... вроде жара при болезни. А есть ведь еще и другие. Например, мертвецы, иные из которых отчего-то не желают покоиться с миром в своих могилах. Они откапываются... или их откапывают разные злодеи и недоумки. А как только выбираются так или иначе из могил, начинают охотиться на живых.

— Есть подозрение, что в аду стало тесно, — снова подал голос Освальд, задумавший, вероятно, сострить, — вот лишних сюда и выгаливают... обратно.

Сиградд, Равенна и сэр Андерс покосились на него, точно несостоявшийся висельник испортил воздух или звучно и смачно рыгнул. Зато хозяин воспринял его сомнительную шутку хоть и без улыбки, но и без раздражения. Чуток одобрительно даже.

— Неплохое объяснение, между прочим, — изрек мастер Бренн, — не хуже других, во всяком случае. Предполагаемая теснота Преисподней позволяет объяснить еще, почему тамошние демоны тоже зачастили в мир живых. И не очень-то горят желанием возвращаться туда, откуда пришли. Священники и пророки толкуют о Конце Света, о приближающейся битве сил Добра и Зла. Хотя я вот не понимаю, что это за конец такой, растянувшийся на десятилетия. Не буду врать, что знаю правду на этот счет. Зато есть у меня другое знание, в коем я совершенно уверен. Что нечисть тоже можно убить... победить. Если не оружием, то волшебством.

— Всевышний... — начал было сэр Андерс, но Бренн перебил его.

— Уверен, Всевышний помогает только тем, кто сам помогает себе, — отрезал старик, чуть возвысив голос, — те же, кто просто сидят на месте и ждут помощи свыше, как правило, ее не дожидаются. Умирают хотя бы от голода. Не думаю, что нам, как и всему роду людскому, стоит умирать от бесплодного ожидания. А вот помочь себе — точно не грех.

Вздохнув, мастер Бренн продолжил — уже своим обычным, миролюбивым на первый взгляд, тоном:

— Двоим из вас я спас жизнь, еще двоим — помог хотя бы обрести новое в ней место... новый смысл, вместо того, чтобы плыть по течению, точно щепки и прочий мусор — и столь же обреченно. Взамен...

— Мне, допустим, ты еще ничем не помог, старик, — снова перебил сэр Андерс, — так что ни о каком «взамен» не может быть и речи. Я тебе ничего не должен.

— Что ж. Если вы так считаете, сэр, — терпеливо парировал хозяин, — я вас не держу. Вы вольны уйти хоть прямо сейчас. Но я не думаю, что гнить в таверне, пугая пьяный сброд, вам самому нравится больше. Нет ведь?

— Нет, — хоть нехотя, но согласился рыцарь-бродяга, а Бренн продолжил.

— Взамен я жду от вас, дорогие гости, преданности. Не лично мне — тому делу, которое я замыслил. Преданности и содействия.

— Сражаться с нечистью, — догадался Освальд и нервно хохотнул при ответном кивке хозяина, — вот ведь жил-жил и не ведал, что такая судьба мне выпадет. Что ж, хотя бы будет интересно... я надеюсь.

— То есть ты хочешь, старик, — снова обратился к мастеру Бренну Андерс фон Веллесхайм, — чтобы мы... чтобы я помог тебе воевать с мертвяками и прочей адовой поганью? Что ж, не буду спорить: неплохое приложение для моего меча. Всяко лучше, чем простолюдинов пьяных разгонять. Ну а ты... колдовством или еще как собираешься за это вернуть мне замок... мои владения?

— Не совсем так, благородный сэр, — отвечал Бренн, — не «за это». Просто замок ваш именно у нечисти предстоит отвоевывать.

— Вот хоть ты и благородных кровей, а полный осел, — вторил старику Освальд, — если б не нечисть... поди, братца-то твоего извести — даже ей одной силенок бы хватило.

И вор-бродяга... теперь уже бывший кивнул в сторону сидящей напротив Равенны. Помня как та, почти в одиночку распугала наемников купчины, захотевшего его повесить.

— Хватило бы, это да. Вот только на кой бы пес ты нам тогда вообще бы сдался?

Когда все пятеро вышли из-за стола, мастер Бренн пробормотал что-то шепотом, сделав руками несколько пассов. И исчез... вместе с комнатой.

Вокруг четверки гостей расстилалась бескрайняя равнина — бурая земля без единой травинки. А над нею бесцветное небо. Бесцветное и пустое.

— Что за чертовщина еще? — вопрошал встревоженный сэр Андерс.

И дрожащей рукой принялся осенять себя священным символом — кругом, разделенным на четыре части. Один поэт еще не без иронии назвал оный «перечеркнутым солнцем», за что в свое время был обвинен в ереси.

Зрелище равнины и мертвого неба задергалось и исказилось, точно отражение в воде, в которую бросали камни.

— Прекратите это, сэр Андерс, — мастера Бренна не было видно, но голос его звучал откуда-то сверху, причем громче обычного, словно усиленный эхом в горах, — в этой... иллюзии нет ничего опасного. И без нее я не смогу хотя бы познакомить с нашими противниками, опыта сражений с которыми ни у кого из вас, четверых, наверняка нет. Я прав? В таком случае, не мешайте... не разрушайте заклинание.

Рыцарь хмыкнул, но осенять себя перестал.

— А вот и первый из них, — сообщил голос мастера Бренна.

Словно из ничего в сотне шагов от четырех людей появилась фигура, похожая на человеческую. И зашагала в их сторону... вскоре оказавшись скелетом. Начисто обглоданным, лишенным плоти и чему-то улыбающимся. То есть, конечно, улыбка была лишь видимостью. Из-за формы и строения человеческой челюсти.

— На кого-то даже скелеты ходячие могут нагнать жути, — прокомментировал голос мастера Бренна, — особенно глухой ночью. Скажем, на детей. Но я думаю, то, что большинство людей принимают за страх, на самом деле суть ощущение неестественности. Всякий мертвяк, разгуливающий по земле вместо того, чтобы лежать в могиле, бросает вызов естественному порядку вещей. То есть, норме — с точки зрения большинства.

Когда между скелетом и четырьмя людьми осталось менее десятка шагов, в руке Сиградда, тоже как будто из ничего, возникла секира — тяжелая, твердая, вовсе не казавшаяся иллюзией. Взмахнув ею, словно примеряясь, северянин рассек воздух, а затем решительно двинулся навстречу костлявому противнику.

Противнику ли? Скорее уж жертве. Сиградд рубанул скелет поперек туловища, одним ударом разделив его надвое. Верхняя часть осталась лежать на земле, лишь беспомощно перебирая руками в воздухе. Ноги успели сделать еще пару шагов, а затем секира северянина подрубила и их.

Напоследок сапог Сиградда наступил на одну из еще шевелящихся рук скелета. Нажал, раздавливая костлявые пальцы.

— Вот за это я и люблю ваше простодушное племя, — с одобрением молвил невидимый Бренн, — вы сначала бьете, потом рассуждаете. Будь иначе, ты бы не пришел мне на помощь... и здесь бы сейчас не стоял. Ну да ладно. Как мы видим, особой опасности скелеты не представляют. По крайней мере, для человека вооруженного. Слишком они неуклюжи, слишком тупы, поскольку лишены, как правило, собственной воли. А главное: как и всякая ажурная конструкция, скелет сам по себе весьма хрупок. Легко разрушается.

— Невелика честь — победить безоружного, — проворчал Сиградд, непонятно к кому обращаясь, и опустил секиру.

— О, есть в далеких странах такие воины, что и безоружные стоят целой армии, — сообщил голос Бренна, — но это так, к слову. Что до ходячего скелета, то его можно и вооружить... как можно вооружить, например, деревенского увальня. В обоих случаях это мало что изменит.

В подтверждение его словам, посреди равнины возник и направился к четверке живых еще один скелет. Этот нес в руке легкий меч — чуток погнутый и тронутый ржавчиной. Под стать себе, можно сказать.

На сей раз навстречу скелету выступил сэра Андерс. Меч был при нем — с ним рыцарь-изгнанник не пожелал расстаться даже за столом. А еще происходящее начало казаться ему интересным. Не менее интересным, чем охота. Точнее, погоня за одиноким зверем целой оравы всадников и своры собак... в старые добрые времена.

В отличие от своего поверженного собрата, второй скелет даже попытался своим оружием воспользоваться. Другое дело, что рыцарь из рода Веллесхайм отбил его неуклюжий, можно сказать, слепой выпад играючи. А уже в следующее мгновение атаковал сам.

Раз — и клинок Андерса, разрубил надвое костлявую руку, сжимавшую старый меч. Два — и та же судьба постигла ногу скелета, отчего тот повалился на землю. И три: разрубая шейные позвонки, меч бродячего рыцаря отделил от скелета ухмыляющийся череп. После чего сам Андерс пинком отбросил черепушку прочь на несколько шагов.

— Прекрасно! — мастер Бренн не пожалел похвалы и для него, — как любят говорить схоласты: что и требовалось доказать. Тем не менее, некоторые озлобленные, властолюбивые, но не блестящие умом колдуны время от времени пытаются сколотить из скелетов войско. К счастью для нас, они очень быстро разочаровываются. Мы все видели сейчас, сколь боеспособны эти создания... поодиночке. Хотя, если их много, определенный урон противнику они могут причинить. Особенно при значительном численном превосходстве.

Едва Бренн договорил последнюю фразу, как новые скелеты двинулись на Сиградда, Равенну, Освальда и сэра Андерса. Целая толпа! Некоторые не имели оружия, но большинство несли, кто меч, кто дубину, кто кривую саблю родом из жарких стран.

Клинок сэра Андерса обезоружил одного скелета, второго. Ржавый меч и сабля, тоже далеко не новая, упали на землю, вместе со сжимавшими ее руками. Но толпа не останавливалась, вынуждая рыцаря отступать. И постепенно окружала живых.

— Та-а-ак-с, обстановка накаляется, — пробормотал Освальд, растерянно озираясь, — надеюсь, мне дадут, чем защищаться?

— Ты вор, — в ответ напомнил ему мастер Бренн, — был вором, по крайней мере. Надеюсь, ты не забыл о своих умениях, без которых вору не выжить? Их и используй.

Освальд не забыл. О, бывший вор прекрасно помнил, о каких именно умениях идет речь. Точнее, даже о правилах жизни. Правило первое: если тебе чего-то не хватает, надо это «чего-то» у кого-нибудь взять. И не беда, если тот будет против. Правило второе: в оружие можно превратить все. Почти все, что подвернулось под руку.

На ходу вспомнив эти немудрящие истины, Освальд рванулся к ближайшему из скелетов. Ухватил его за ноги, опрокидывая, увлекая за собой на землю. А уже миг спустя вскочил на ноги. И одной ногой наступил на руку скелета, сжимавшую кривую саблю —

вору та заранее приглянулась своей непривычной формой.

Нажал посильнее. Нога вора вдавила запястье скелета, ломая тонкие кости. Вторая рука потянулась было к Освальду, но тот отбил это движение пинком. В результате еле устоял на ногах, но цель была достигнута: костлявая рука саблю больше не удерживала.

Подхватив оружие, Освальд бросился в атаку, размашистыми движениями рубя скелеты на своем пути. Мимо пролетел огненный шар — это в игру вступила волшебба Равенны. Врезавшись в одного из скелетов, шар взорвался, оставляя после себя грудку обгоревших костей.

Но уже в следующий миг колдунья испуганно закричала: один из костлявых противников подобрался к ней слишком близко.

— Так не пойдет, — теперь голос Бренна прозвучал строго, даже сердито, — сколь бы вы ни были сильны, а поодиночке с войском не сладить. Даже если воины давно мертвы. Вам нужно действовать как команда. Совместно. Оберегая... прикрывая друг друга, но особенно заклинателя. Не имея оружия, кроме своих чар, и не нося доспехов, заклинатель в бою наиболее уязвим. А в ближнем бою почти беззащитен.

Тактика, которой затем, не сговариваясь, решили придерживаться начинающие бойцы с нечистью, была проста... и единственно возможна при имевшемся раскладе. Встав спинами один к другому и обступив Равенну, Сиградд, Освальд и сэра Андерс не давали скелетам приблизиться к колдунье. Секирой, мечом и саблей отбивая каждую попытку наступления.

Оружие разило костлявых горе-воjak одного за другим. Держа толпу на расстоянии, а главное — постепенно сокращая ее численность. Пока сбирище ходячих костей не превратилось в грудку костей простых, неподвижных.

— Превосходно! — воскликнул мастер Бренн.

После чего добавил не без грусти:

— Ах, если бы только ряды наших новых врагов ограничивались одними скелетами...

Как ответ на его сожаление, по бурой бесплодной земле зашагала к Сиградду, сэру Андерсу, Освальду и Равенне новая фигура. Еще более схожая с человеком, чем давешние скелеты. Вернее, это и был человек... только давно умерший. От одежды остались лохмотья, кожа частью облезла, волос не осталось вовсе, а на лице чернели два круглых провала глазниц. Довершал картину запах — неподражаемый дух разложения. Да такой сильный, что иная свалка на заднем дворе какой-нибудь забегаловки рядом с ним едва ли даже была бы заметна.

— Ходячий труп, мертвяк, умертвие или навь, — представил гниющего уродца мастер Бренн, — люди успели придумать много слов для обозначения... данного явления. Оттого, наверное, что это наиболее распространенная разновидность нежити. Так что в предстоящей битве за замок Веллесхайм вы, скорее всего, столкнетесь именно с ними.

Сиградд шагнул мертвяку навстречу, вскидывая секиру. Но оклик мастера Бренна остановил его:

— Не так! Мало того, что ходячие трупы покрепче скелетов будут — плоть-то их окоченела, стала твердой как дерево. С одного удара не разбить. Так, вдобавок, труп ходячий, как и всякий другой труп, является носителем опасных болезней. Причем временами является даже в большей степени. Потому что злокозненные колдуны, поднявшие их, могут заражать мертвяков нарочно. Посредством особых зелий и чар. Про трупный яд я вообще молчу.

Так или иначе, в схватке с умертвием достаточно маленькой ранки, чтобы умелый и

могучий боец превратился в смертельно больное, обреченное существо.

— И что тогда делать? — недоуменно и не без недовольства вопрошал сэр Андерс.

— Держаться от них подальше, разумеется, — в голосе Бренна почувствовалась легкая усмешка, — по возможности держаться. И постараться сразить мертвяка на расстоянии...

Не дослушав последнюю фразу, Равенна вскинула руку. И из ее ладони навстречу приближающемуся мертвяку хлынула струя огня. Мгновение — и огонь объял ходячий труп, охватил его, превращая в огромный факел. Запахло паленым.

— ...волшбой, например, — закончил фразу-наставление мастер Бренн, — и вот еще что... забыл сказать. Иногда человеческими трупами в качестве временных вместилищ пользуются низшие демоны. Те, у кого не хватает силенок воплотиться в мире живых самостоятельно. Или зацапать живого человека.

Узнать такой труп-вместилище и отличить от обычного мертвяка несложно. Их глазницы не пустые: в них такое свечение яркое — оранжевое как огонь или ярко-красное, словно свежая кровь. Еще один отличительный признак: вместилище не ковыляет так понуро и нарочито медленно, будто смертник на пути к виселице. Напротив, его движения резкие и дерганые. Это потому, что демону в нем... неудобно. Неудобно, как человеку в одежде не по размеру.

— А сражаться с этими... вместилищами — так же? — поинтересовалась Равенна.

— Сражаться — да, но вот побеждать намного труднее. Потому что демон и сам в ответ может огнем плюнуть или еще что-нибудь такое подобное выкинуть. И оказаться посильнее схватившегося с ним волшебника. Ведь оба пользуются силами, чуждыми нашему миру — миру вещей, плоти и прочих твердых предметов. Вот только демону пользоваться этой силой более естественно. Как естественно рыбе дышать под водой. В отличие от человека-ныряльщика.

— Слово Всевышнего, — напомнил сэр Андерс. И здесь мастер Бренн с ним согласился. Неожиданно для остальных.

— Да, против такого рода нечисти призвать помощь Всевышнего — наиболее эффективно, — были его слова, — но только при условии, что ваша вера достаточно крепка. В противном случае можно лишь потерять время. Так что тем, кто не уверен в крепости своей веры, я подскажу простой способ остановить демона. Обвести его магическим кругом... или себя, на худой конец. Ну да ладно, мы отвлеклись.

Новые мертвяки показались поблизости — целых восемь. Причем в руках у пяти из них были зажаты толстые суковатые палки.

— Как я уже говорил, — рассуждал вслух мастер Бренн, — с умертвиями лучше до ближнего боя не доводить. Но бывает, что избежать одного невозможно. Трудно удержать на расстоянии противника, имеющего кратное численное превосходство. Но вот принять меры предосторожности, чтобы не занести в себя заразу или не отравиться — можно.

— Доспехи нужны, — последовала реплика сэра Андерса, который явно оживился, — кольчуга хотя бы.

— Полумеры, — небрежно бросил Бренн, — лучше оглянитесь-ка. И посмотрите, что у вас за спиной.

Обернувшись как один, четверо его подопечных обнаружили небольшой не то столик, не то каменный постамент. Посреди пустой равнины смотревшийся почти так же странно, как грязная брань из уст ребенка трех лет отроду.

На постаменте стояла глиняная бутылка.

— Ну-ну, — хмыкнул Освальд, первым заметивший ее, — я всегда знал, что выпивка — лучшее лекарство. И вообще лучшее средство от всех бед. Пр-розит!

На последнем слове он дурашливо вскинул руку, словно та держала невидимую кружку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Зелье защиты от болезней и ядов, — пояснил, возражая бывшему вору, мастер Бренн, — отпейте каждый по глотку. Больше не требуется.

Один за другим Равенна, сэр Андерс, Освальд и Сиградд подходили к постаменту и бутылке, делали глоток. Защитное зелье было голубоватого цвета и имело горьковатый, но в целом не лишенный приятности, вкус.

Обретя защиту от опасностей, которые обыкновенно несет в себе мертвое тело, дальше живые действовали примерно так же, как против толпы скелетов. Освальд, сэр Андерс и Сиградд вышли вперед, закрывая Равенну. И рубили мертвечину, покуда сама колдунья атаковала то огненным шаром, то рукотворной молнией.

Обычному оружию ходячие трупы поддавались действительно с трудом. Лезвие секиры, клинки меча и сабли словно рубили отсыревшую древесину. Зато горели мертвяки неплохо. И, подобно костлявым собратьям по сонму нежити, оружием, можно сказать, не владели. Сподобившись за время схватки, больше похожей на избиение, лишь паре неловких атак. Ну и еще укусить порывались.

— К слову сказать, — сообщил голос Бренна, когда с умертвиями было покончено, — такую же защиту можно обеспечить посредством специального заклинания. Вот только не всегда для его совершения хватает времени. Тогда как чтобы глотнуть зелья, обычно довольно мгновения.

— Ага, — буркнула Равенна, — при условии, что нужная бутылка под рукой.

Женщина уже поняла, что в грядущей битве за замок Веллесхайм именно на нее ляжет этот труд: приготовление защитных зелий всех возможных сортов. Причем в дополнение к тяготам, собственно, боя.

Тем временем новый представитель нечисти посетил созданную мастером Бренном иллюзорную равнину. Смутный силуэт, полупрозрачная фигура с чертами лица нечеткими, трудноразличимыми. Темное облако, каким-то чудом принявшее форму, схожую с человеческой.

— Призрак, он же привидение, — пояснил мастер Бренн, — душа, не нашедшая покоя. В отличие от скелетов и ходячих трупов — тел, поднятых чужой волей и лишенных собственного сознания — у призраков, напротив, ничего кроме сознания и нету. Их беда в том, что тихо-мирно отправиться на тот свет призраки либо упорно не хотят, либо и рады бы, но не могут. Что-то их держит: какой-то невыплаченный долг, чье-то проклятье, чья-то обида или результат неудачного и неумелого колдовства. По большому счету — не так уж важно. Значение имеют для нас с вами две вещи. Первое: для живых приведения не так уж и безвредны. Одни просто нагоняют страх, беспокоят как вши или сухие хлебные крошки в кровати. А другие жадно и беззастенчиво пьют из человека жизненную силу. Из-за чего тот слабеет, чаще болеет и быстрее умирает. За счет этого призрак может удержаться в мире живых сколь угодно долго. Не рассеиваясь. Теперь второе...

Сиградд, находившийся к привидению ближе остальных, не стал дослушивать Бренна. Подскочив к призраку, он рубанул по полупрозрачной фигуре секирой. Лезвие прошло сквозь нее, задержавшись едва ли на миг. А на северянина дохнуло холодом — но не бодрящим морозом, столь привычным на его родине. То был особенный холод, чуждый

любой жизни. Холод камня в стылой пещере, холод могилы.

Будучи отнюдь не робкого десятка, Сиградд, тем не менее, резко сдал назад. Попятился, отдергивая оружие. На лезвии секиры осталась изморозь.

— Ты должен был убедиться в этом собственноручно, — донесся до обескураженного северянина ироничный голос Бренна, — моим словам ты бы вряд ли поверил, я понимаю. Как и любым другим словам. Впрочем, теперь вы все мне поверите. Поскольку призраки бестелесны, причинить им вред оружие не способно. Только волшба.

Молния, вырвавшаяся из ладони Равенны, врезалась в призрачную фигуру, на миг подсветила ее изнутри. Затем призрак превратился в сплошной сгусток света — сплошной и бесформенный. Он словно оплыл, как горящая свеча. И, наконец, сгусток погас. Бесследно исчезнув вместе с призраком.

— Неплохо, — с одобрением молвил мастер Бренн, — но вообще-то существует отдельное заклинание для изгнания призраков. Называется «Развоплощение». Советую тебе освежить его в памяти, прежде чем отправиться во владения рода Веллесхайм.

И вот еще что, к слову. Не действует оружие, по крайней мере, обычное, также на оборотней. Серебряное — да. Как, впрочем, и оружие из любого драгоценного металла.

Впрочем, это я забегаю немного вперед. Если верить слухам, которые доходят из окрестностей замка Веллесхайм, с оборотнями там вряд ли придется столкнуться. Поэтому отработку схватки с оборотнем я решил отложить до следующего раза.

А последним, с кем довелось схватиться Сиградду, Равенне, Освальду и сэру Андерсу на уроке, что преподавал им мастер Бренн, оказался вампир.

Выглядел он вовсе не тем холодным, но не лишенным красоты вечным юношей, каким обыкновенно его представляют в романтических поэмах. Просто человекоподобная тварь, имеющая, по словам Бренна, некое подобие разума. А еще грязная, уродливая, злобная и голодная, точно нищий, проснувшийся с похмелья. Да и силы твари было не занимать. Оружие же вампиру с успехом заменяли дюймовые когти, крепкие как железо и клыки, достойные хищного зверя.

Так что даже вчетвером сладить с вампиром оказалось нелегко.

Как бы между делом подопечные мастера Бренна узнали, что осиновый кол твари, конечно, опасен. Но не в большей степени, чем любая другая заостренная деревяшка. То есть, повредить тело вампира она способна. Да только металл годился для этой цели гораздо больше.

Металл предпочтительнее было использовать драгоценный. Как и при схватке с оборотнями. Однако и обычное железо могло изувечить вампира, лишит конечности. Ну, или замедлит хотя бы. Последнее пришлось кстати: помимо силы, вампир отличался проворством, что позволяло ему с успехом уходить от огненных шаров, молний и других вариаций боевой волшбы.

Увернулся — и снова в атаку. Вот только длился успех твари лишь до поры. В конце концов, удар секиры, в который Сиградд вложил, кажется, всю свою удачу, превратил вампира в одноногого калеку. Затем меч сэра Андерса разрубил потянувшуюся к рыцарю в каком-то отчаянии когтистую руку вампира. Сабля Освальда снесла голову. А огонь, сотворенный заклинанием Равенны, довершил остальное.

Сжечь, кстати, вампира было не просто желательно, но необходимо. В противном случае, даже изувеченный и обезглавленный, он мог срастись вновь. Мог снова подняться — только что сделавшись слабее, чем прежде. И, соответственно, более голодным.

После расправы над вампиром, иллюзия мастера Бренна рассеялась. А Освальд посетовал, что с нею же рассеялась его сабля, к которой он и привыкнуть успел, и считал просто красивой.

Сам хозяин замковых развалин, времени не теряя, повел Равенну в библиотеку — имелась в бывшем донжоне и таковая. И поручил колдунье, во-первых, подучить заклинание «Развоплощения», а во-вторых освежить в памяти рецепты защитных зелий и чары, могущие оные зелья в случае надобности заменить.

А наутро, отдохнувшим и отоспавшимся, гостям мастера Бренна пришла пора отправляться в путь. Сэр Андерс еще удивился, почему его новые товарищи собрались так быстро — к родовым его землям решив, как видно, двигаться налегке. Только с оружием и в том, что было на этих троих надето. Ну и еще небольшую сумку со свитками и рецептами прихватила Равенна — дабы не полагаться целиком на память.

И — ничего, что непременно следовало взять с собой в дорогу. Ни запасов провизии, ни фляг с водой, ни хотя бы одеял, чтобы не замерзнуть во время ночлега под открытым небом. Еще, по мнению рыцаря-изгнанника не лишними были бы лошади. Во-первых, чтобы везти всю перечисленную поклажу. А во-вторых, в бывшем донжоне имелся неплохой арсенал, где

сэр Андерс смог обзавестись кольчугой и шлемом. Разгуливать же пешком с надетыми на себя этими тяжелыми железяками рыцарь желанием не горел.

— Ах, знали бы вы, благородный сэр, как именно мы попадем в ваши земли, — весело, но не без издевки сказал ему Освальд, — вы бы по поводу поклажи не волновались точно. Поволнуйтесь лучше о чем-нибудь другом.

Сам-то незадачливый вор уже не единожды успел воспользоваться тем способом перемещения, о котором толковал. Первый раз — когда по поручению мастера Бренна отправился на разведку в окрестности злополучного замка Веллесхайм. Собственно, там он помимо прочего и узнал, что сыновей у местного владельца было двое. Двое возможных наследников... причем во владение замком и родовыми землями вступил не старший, а наиболее, скажем так, удачливый. Тогда как брат оного, хоть и остался жив, но вынужден был идти, куда глаза глядят.

Потом еще Освальду пришлось пойти по следу этого изгнанника и несостоявшегося наследника. И опять-таки не на своих двоих. Возможный маршрут движения сэра Андерса они просчитывали на пару с мастером Бренном, сидя перед картой. После чего бывший бродяга и вор отправлялся в очередное селение или город, где другой бродяга — даром, что благородных кровей — мог остановиться.

Что до Сиградда и Равенны, то им тем более перемещаться таким способом было не в новинку. Воспользоваться они успели им хотя бы, когда спасали от виселицы Освальда. И когда могучий северянин спасал будущую товарку-колдунью от костра инквизиции.

А теперь пришел черед познакомиться с тем способом и сэру Андерсу фон Веллесхайму.

Магический портал мастера Бренна располагался в одной из комнат бывшего донжона. Пустой, если не считать столика с картой да самого портала. До поры то была просто неглубокая арка в одной из каменных стен. С виду его еще можно было принять за проем, замурованный по чьей-то неразумной воле.

Склонившись над столиком с картой, мастер Бренн принялся водить по ней небольшим треугольным камнем, украшенным вырезанной руной. «Райдо», дорога, символ пути — узнала ее Равенна.

Заглянув через плечо старика, сэр Андерс отметил, что карта необычно подробная, сделана старательно. Не в пример поделкам, что нороят всучить путникам хитрецы на рынке. Города и дороги, реки, леса и болота — на пергаментном листе нашлось место всему. Да еще с соответствующими названиями. Букв рыцарь не знал, грамоте обучен не был, но хотя бы мог распознать, что это были именно буквы.

Наконец, мастер Бренн остановил камень, острым концом направляя его на изображение маленького замка. «Веллесхайм», — прочитал бы надпись рядом с ним сэр Андерс, кабы умел. Ну да незадачливый потомок славного рода и, не читая понял, на какой именно замок указывает камень.

Затем старик подошел к проему, оперся обеими руками о каменную раму по обе стороны от него. Растопыренные пальцы чуть ли не впились в камень... разогревая его и вдыхая подобие жизни.

Разогревался и сам мастер Бренн. Да так, что у него покраснело лицо, а лоб покрылся капельками пота. Сэр Андерс даже встревожиться успел от такого зрелища. Справедливо полагая, что подобное напряжение в столь почтенном возрасте может оказаться опасным.

Волновался рыцарь-изгнанник напрасно. Ничего с мастером Бренном не случилось.

Зато, когда он, наконец, отошел от проема, тот уже не выглядел замурованным. И сэр Андерс с восторгом и трепетом различал в нем знакомые с детства пейзажи. Зеленеющий луг, желтеющие поля, темную полосу леса, где он мог проводить целые дни на охоте; крыши деревни Веллесдорф и, конечно же, возвышающийся на холме, чуть ли не у горизонта, родовой замок.

Все это виделось в проеме портала мутно и искаженно — словно сквозь воду или драгоценный камень. Но все равно не узнать родные места Андерс фон Веллесхайм не мог. Как не мог просто любоваться ими. И потому первым направился к проему.

— Успехов вам, — напутствовал его и трех других своих помощников и подопечных мастер Бренн.

— А разве вы с нами не пойдете? — спросил сэр Андерс, на миг задержавшийся в полшага от портала. После иллюзии, точнее, знакомства с волшебным могуществом хозяина бывшего донжона, он стал относиться к этому говорливому старику с куда большим уважением.

— О, нет-нет, — Бренн взмахнул руками, точно отгонял мух, — для полей сражений я слишком стар. В противном случае мне бы не потребовались молодые и сильные помощники, если угодно, союзники. Такие как вы.

Андерс фон Веллесхайм пожал плечами, вроде бы соглашаясь с его доводами, и шагнул в портал. Сиградд, Равенна и Освальд последовали за ним.

Веллесдорф походил, скорее, на небольшой город, чем на деревню, коих в стране имелось бесчисленное множество. Плодородие окрестных земель и важные торговые пути, их пересекавшие, не только обогащали многие поколения владельцев из рода Веллесхайм. Рядовым их подданным тоже кое-что перепадало. Благодаря чему главная улица Веллесдорфа была вымощена булыжником, как и последние полмили дороги до деревни, и весь путь от деревни до замка.

Подходя к Веллесдорфу, посланцы мастера Бренна не заметили столь привычных, присущих деревням покосившихся хижин, наполовину вросших в землю. Дома как на подбор стояли крепкие, иные даже в два этажа, причем первый — каменный. И с крышами, покрытыми не соломой, а черепицей.

Как успел рассказать спутникам сэр Андерс, имелся в Веллесдорфе рынок, где во время осенней ярмарки народу собиралось — не протолкнуться. Дошла слава этой ярмарки не только до соседних селений, но и даже до пары ближайших крупных городов. Поэтому съезжались туда охотно. Но и в обычные дни рынок не пустовал.

Возле постоянного двора под громким названием «Огненный жеребец» и день, и ночь теснились повозки — не было отбоя от проезжих торговцев и других усталых путников. Иные еще громогласно возмущались, если им не доставалось места.

А еще была в Веллесдорфе таверна, где вечерами собирались усталые работяги, пропустить кружечку-другую, перекусить да поговорить о том, о сем. Кормили, кстати, там куда лучше, чем в заведении, где сэр Андерс едва не застрял, решив, будто не достоин иного жребия, кроме, как буйных пьянчуг унимать. Выпивка же местная так и вовсе не шла ни в какое сравнение с помоями, что наливали в пристанище рыцаря-бродяги.

Крики зазывал, иногда хмельные песни, цокот копыт да стук кузнечного молота — вот такие звуки обычно сопровождали жизнь в Веллесдорфе... когда-то. Вот только теперь деревня как-то притихла вся. Примерно как когда-то в детстве затихал, прячась под лавку, Освальд, когда отец возвращался пьяный, но почему-то не веселый и беспечный, а злой. И обыкновенно срывал свою злость на жене и детях. Видимо, такова уж была обратная сторона того, что родители на трезвую голову гордо именовали честным и праведным житьем.

Боясь столкнуться с этой обратной стороной лишней раз, маленький Освальд раз за разом затихал и таился. И иногда ему даже удавалось избежать оттрепанного уха или порки, после которой ближайшие несколько ночей приходилось спать на боку... а лучше — на животе.

Так и Веллесдорф боялся — нетрудно было догадаться, чего. Пустовала рыночная площадь, никакие повозки и экипажи на подъезде к деревне или на главной ее улице не теснились. Вообще их не было, если на то пошло. Да вдобавок, успела обзавестись деревня еще одним признаком, сближавшим ее с городом. Неровным кругом Веллесдорф опоясывало укрепление. Не крепостная стена, правда, но земляной вал высотой больше человеческого роста. Имелись в нем проходы: два, дорога шла как раз через них. Но и проходы эти были перегорожены телегами, груженными мешками с землей.

Возле телег сгрудилось с десятков крестьян, вооруженных кто чем: вилами, косами, топорами для колки дров. Лишь у двоих цепкий взгляд Освальда заметил мечи —

реквизированные, не иначе, в местной кузнице.

На четверку приближающихся чужаков жители Веллесдорфа глядели мрачно, с недоверием.

— Кто такие? — раздался грубый окрик, и вперед выступил седеющий, но еще крепкий и коренастый мужчина в кольчуге и с непокрытой головой. Шлем при нем имелся, но его этот немолодой вояка предпочитал держать пока под мышкой. Лицо мужчины украшали пышные пшеничные усы, сединою пока почти не тронутые.

— Капитан Римас, — обратился к нему сэр Андерс, — неужели вы меня не узнаете?

Разговаривать рыцарь-изгнанник пытался, как подобает человеку знатному с простолюдином, пусть даже достойным уважения. То есть хотя бы чуточку высокомерно, сухо и по возможности без эмоций. Но голос Андерса все равно помимо его воли подрагивал. Не от страха — от радости узнавания.

Именно капитан Римас командовал замковым гарнизоном, пока был жив отец Андерса и Рихарда. Именно он, теперь похожий на старого матерого волка, некогда учил юного Андерса владению мечом. И даже Рихард, когда воцарился в родовых владениях Веллесхаймов, не решился избавиться от капитана Римаса. О, следовало отдать ему должное — поступил младший из братьев куда осмотрительнее. Сменив не только гарнизон, но и его командира, прежнему капитану он поручил обучать новичков. И даже объяснить свои действия удосужился. Сказав, что Римас-де уже староват для командирской должности.

Староват-то, староват и здоровье, чай, не то. Да только опыт не пропьешь, как говаривал при случае сам капитан Римас. И опыт сей оказался небесполезен даже такому подлому и самозваному владельцу, как Рихард фон Веллесхайм.

Но вот теперь Римас обнаружился не в замке — в Веллесдорфе. Неужели самовольно оставил службу?

Внимательным взглядом вперился он в лицо сначала сэра Андерса, затем его спутников, а потом опять вернулся к рыцарю-изгнаннику.

— Сэр... Андерс? — пробормотал пожилой вояка, наконец, узнавая, но в то же время, как будто не веря в возможность этой встречи, — неужели это вы... правда, вы? Хвала небесам! Наверное, сам Всевышний прислал вас к нам на помощь в это трудное время.

— Это мой долг, — Андерс развел руками, — и долг каждого владельца — быть со своими подданными.

— Каждого владельца, не забывшего, что такое честь, — дерзнул капитан Римас поправить ученика и хозяйского отпрыска. Впрочем, такую дерзость старший из братьев Веллесхайм охотно простил. Особенно капитану Римасу.

— Эй! А ты поможешь... спасешь нас? — выкрикнул, обращаясь к Андерсу, один из крестьян.

— Кому тыкаешь, дубина?! — рявкнул Римас на него да, коротко замахнувшись, отвесил крестьянину подзатыльник, точно непутевому дитю, — перед тобой наследник... законный владелец этих земель.

— Клянусь сделать все, что в моих силах, — отчеканил сэр Андерс, сам оставшись невозмутимым, — тем более, я подмогу привел.

И кивнул в сторону трех человек, пришедших с ним.

На спутников рыцаря-изгнанника Римас посмотрел пристально и строго. Оценивающе. И с уважением... когда задержал взгляд на одном Сиграде. К варварам-северянам отношение у него было двоякое. Бывший командир замкового гарнизона знал их как могучих

воителей и отчаянных храбрецов — с одной стороны. А с другой (и не без оснований) считал дикими зверями в человеческом облики. Дикими, неуправляемыми, едва ли не безумцами. Не говоря уж о том, что веру истинную северяне упорно не признавали. Продолжая молиться и приносить жертвы камням да разрисованным деревяшкам.

Но присутствие в новоявленной «подмоге» могучего варвара хотя бы приободрило Римаса. Такой боец, как ни крути, стоил трех обычных. А если брать крестьян, то так и вовсе десятка.

Но вот остальные...

— А это... эти еще зачем? — недовольно вопрошал Римас, переводя взгляд то на Равенну, то на Освальда, — только бабы нам не хватало. И этот... олух деревенский?..

— Этот деревенский олух, — вежливо, но в то же время с вызовом, парировал оскорбленный Освальд, — может прямо сейчас...

Он взмахнул рукой, и нож, брошенный ею, вонзился в телегу в каком-то дюйме от руки Римаса, которой тот на нее облокотился.

— ... кое-что может, в общем. А эта, как ты говоришь, баба — колдунья.

— Могу подтвердить, — сухо молвила Равенна.

— Эх, грехи наши тяжкие, — вздохнул Римас, — и чью только помощь не примешь, когда все в пропасть валится... Ладно, проходите. А вы не стойте столбами, козлиное отродье! Пропустите сэра Андерса и его спутников!

Последние две фразы предназначались крестьянам. Которые, услышав их, тотчас же кинулись освобождать от мешков телеги. Да, поднатужившись, отодвигать их, открывая проход.

— И много с вами людей пришло? — поинтересовался Андерс у капитана Римаса, когда они уже шли вдоль главной улицы Веллесдорфа.

Мимо них проходили группки кое-как вооруженных крестьян. Другие крестьяне суетились близ укрепления или поглядывали вокруг, взобравшись на земляной вал. А вот бойцов под стать Римасу — в доспехах и при настоящем боевом оружии — в поле зрения рыцаря-изгнанника не попадалось.

— Если бы, — пожилой вояка вздохнул, — это от прежнего гарнизона можно было ожидать доблести. Шутка ли — не один год служили вашему роду. А те помои, которые ваш братец понабрал... даже вспоминать тошно! Быстро деру дали, как началось... все это.

— А, собственно, что — началось-то? — осторожно поинтересовался Освальд, — просто мы кое-что слышали, но мало. Толком ничего не знаем... кроме того, что нечисть беспокоит. И помощь в битве нужна.

Римас поглядел на бывшего бродягу и несостоявшегося вора примерно как на кучу собачьего дерьма, как если бы он в нее едва не вступил нечаянно, но в последнее мгновение заметил. Однако ответом все-таки удостоил.

— А вы... все, разве сами ничего не заметили? — были его слова, — не обратили на холм внимания? На тот, на котором замок стоит? Не увидели ничего странного?

— Странного? — переспросил сэр Андерс, вспоминая.

Но еще раньше него вспомнила и нашла, что ответить, Равенна. Еще едва только пройдя порталом, она заметила на холме, на котором высился замок Веллесхайм, проплешину. Огромную. И особенно заметную на фоне сочной зелени окрестных лугов. Темно-бурую проплешину с неровными рваными краями — она еще показалась колдунье похожей на исполинскую кляксу. Проплешина покрывала тот холм целиком и вдобавок успела

прихватить кусочек луга у подножья. Маленький вроде кусочек... пока что.

— Скверна, — прошептала осененная Равенна с трепетом суеверного страха. Слово боялась произнести само это слово и тем накликать беду.

Поддерживаемая Освальдом, колдунья вскарабкалась на вершину земляного вала — убедиться в верности догадки. Взгляд устремила в направлении холма и замка. А пальцы прижала к вискам, одновременно шепча заклинание.

Сначала глаза, усиленные волшбой, заметили птицу, пролетающую достаточно близко к холму... хотя и явно торопившуюся убраться от оногo как можно дальше. Затем на несколько мгновений Равенна смогла посмотреть на мир глазами этой птицы. Несколько мгновений... но и за них колдунья успела увидеть достаточно.

Догадка оказалась верна. Хотя, положа руку на сердце, в подобных случаях Равенна предпочла бы, скорее, ошибиться. Но, увы: ошибки и даже надежды на ошибку не было. Земля, на которой не росло ни травинки, вдобавок, потемнела и даже потрескалась. А из трещин поднимался грязно-желтый пар, пахнувший, словно тухлые яйца. Еще от этой потрескавшейся земли исходило тепло — но не живительное тепло, не приятное. Но, скорее, предвещающее смерть тепло, что исходит из пасти какой-нибудь хищной твари.

Никакой жизни не было видно на пораженной земле. Лишь один раз волшебница заметила какое-то движение. Но это лишь сама земля в одном месте вспухла. Чтобы миг спустя лопнуть, выпуская в воздух струйку грязно-желтого пара.

— Скверна! — воскликнула Равенна с отчаянием в голосе; никак иначе объяснить увиденное было нельзя, — Скверна распространяется! И источник ее — в замке!

Капитан Римас пожал плечами. «Сами знаем, — словно хотел он сказать этим жестом, — толку-то?»

А вслух заговорил, обращаясь к новоявленным союзникам:

— Началось с того, что людей... что ратников, что прислугу — кого стали по ночам кошмары мучить, кто заболел, причем тяжело, и лекарь руками разводил. Еще кто-то начал напиваться до полного свинства. Те же бойцы. Причем невзирая, служба, не служба, в дозор ли надо идти или боевые навыки освежать. Драки опять же... вы, сэр Андерс, соврать не дадите: в замке ведь и прежде жизнь не сказать, что проходила во всеобщем мире да согласии. Всегда находились любители кулаки почесать. Но вот чтобы до кровопролития доходило; до того, чтобы покалечить товарища, а то и вовсе забить до смерти — такого я не помню, честное слово. В прежние времена не помню.

И это я еще только про мужчин рассказал. Женщины не лучше были. Сначала, когда двух служанок-соплячек в чулане обнаружили, как они друг дружку ублажали, точно муж с женой — это еще ладно. Тогда смешно было даже. Но вот когда кухарка, немолодая уже, зарезала мясницким ножом сперва старика-лакея, потом конюха того, жирного, а под конец разделась догола и принялась бегать по замку, вопя непристойности и задом вертя перед каждым встречным — тогда уже стало всем не до смеха.

Кому-то в голову пришло, что замок проклят, заколдован или что-то в таком роде. Густав... кастелян — помните, сэр, такого? Так вот, он даже священника пригласил. Дабы освятил весь Веллесхайм. Водой святой везде побрызгал. Демонов бы изгнал, если таковые имелись. Ну, или на худой конец просто успокоил людей. Небось, помогло бы... думал он.

Судя по пренебрежительному тону, коим была произнесена последняя фраза, затея кастеляна успеха не имела. Причем лично капитан Римас заранее сомневался в ее действительности. И вот теперь подтвердил и то, и другое, продолжив рассказ:

— Сначала гонец, Густавом посланный, в местный приход обратился. Сюда, в Веллесдорф. Так оказалось, что старикан-настоятель малость не в себе. Говорил бессвязно, пуще запойного пьянчуги, о видениях жутких толковал, слюной брызгал. Толку от него, соответственно, было как от рыбы, в телегу запряженной.

— Но?.. — спросил нетерпеливый и любопытный Освальд, которого эта история заинтересовала уже сама по себе. Без оглядки на предстоящую битву.

— Но Густав не сдавался, — продолжил Римас, — в обитель Святого Эммануила за помощью послал... есть такая в паре десятков миль отсюда. Так в обители к нам мальчишку какого-то отрядили, без году неделю сан принявшего. И что от него ожидать? Само собой, он не справился.

— Дело не в том, что мальчишка, — возразила на это Равенна, — просто со Скверной так просто не сладить. Необходимо уничтожить... устранить ее источник.

— Ну, не все такие... не по годам мудрые, — изрек бывший командир замкового гарнизона, как ей показалось, с сарказмом, — а мальчишка в сутане мало того, что не помог. Ему самому, представьте, помощь потребовалась! Уж как начало корезить беднягу, едва только крепостные ворота прошел — это надо было видеть. Корезило, чуть ли на изнанку не выворачивало. Начнет молитву бормотать — его трясет. Попробует махать кадиллом — словно цепенеет. В конце концов, и часа не прошло, а мальчишка-священник деру из замка дал. Да так поспешно, будто целый рой пчел за ним гнался.

— Видимо, слишком сильна была Скверна, — пояснила Равенна, — уже тогда. Вот и сопротивлялась.

— Сопротивлялась? Ха! — рявкнул капитан Римас, — скорее уж это мы сопротивлялись. А она... Скверна эта, все попытки сопротивления давила. Как тараканов. То, как со священником получилось, многие видели. И дух их увиденное сильно подорвало. А когда еще и Густава-кастеляна на следующее утро нашли мертвым, да с такой рожей, ужасом искаженной... как будто на муравейник сослепу сел. Так это уже вообще началом нашего конца стало. Ратники... те, что в здравом уме еще оставались, деру дали — один за другим. Разбежались как крысы. Хотя почему «как»? Крысы и есть! Я про тех, кого брат ваш набрал вместо бойцов старых, проверенных. И верных.

— А что владетель... Рихард, я имею в виду? — спросил сэр Андерс, осекшись оттого, что оговорился, — он что-нибудь делал, чтобы безобразия прекратились?

— Какое там! Брат ваш, сэр, напротив, менялся... погружался в ад вместе со всем замком. С самых первых дней.

«Погружался в ад! — промелькнуло в голове Равенны, — похоже, вот оно, лучшее объяснение происходящего. И захочешь — удачней не выразишься!»

— ...сначала просто вид имел болезненный. Морщины глубже, чем у меня. Лицо бледное, круги под глазами. Сразу видно, спал мало. Если вообще ночами спал. Потом от еды отказываться стал. А если съедал чего, то постольку, что воробышек, наверное, больше склюет. Исхудал... помните, сэр, брат ваш всегда полнотой отличался. А как началась вся эта... Скверна, так быстро исхудал. И выражение на лице такое отрешенное. Как будто в облаках витает или спит на ходу. Не всегда слышал, когда его окликали.

Под конец же... ну, когда гарнизон разбежаться начал, сэр Рихард и вовсе заперся где-то в замковых подвалах. Перестал на людях показываться. И тогда уже не только падаль, им собранная — тогда уже и до меня дошло, что служить больше некому. Тем более как раз первые мертвяки в окрестностях объявились. В деревню забредать начали. Ну, я и решил, как

о них прослышал, пойти в Веллесдорф, местному люду помогать защититься. Такой, подумал, отныне мой долг. Раз замок не смог отстоять.

Жаль только, что из всего гарнизона моему примеру лишь трое последовало... вернее, теперь уже двое. Третий погиб. Прочие же не просто дезертировали, но постарались удрать из этих земель как можно дальше. Наемники — что с них возьмешь.

Последнюю фразу Римас произнес с подчеркнутым презрением. Даром, что и сам по большому счету был наемником — к отцу Андерса и Рихарда поступив на службу за деньги. Вот только за годы службы успел он прикипеть к замку, Веллесдорфу и окрестным землям, привык считать все это своим домом. А дом полагалось защищать. Независимо от того, платят за это или нет.

А потому наемников обычных, для которых важнее было не защищать, а кошельки наполнить, а едва запахнет жареным, готовых разбежаться, понять капитан Римас не мог. Да и не хотел.

— И мало того, что опытных бойцов в деревне не хватает, — продолжал рассказывать пожилой вояка, — так, вдобавок, и просто крестьян, способных держать оружие, скоро хватать перестанет. Мертвяков ведь, что не ночь, все больше становится. Сперва по двое да по трое заходили. С ними справлялись легко... если врасплох те, конечно, не заставляли. Даже обнаружить успели, откуда эти трупы откапываются. Кладбище — где-то между замком и Веллесдорфом, но немного в сторону от главной дороги. Западнее. Там, правда, еще вроде все в зелени. Деревья растут, трава, цветы. Скверны этой вашей нет...

«Увы, есть, — подумала в пику его словам Равенна, — просто она, похоже, из-под земли распространяется. Покойники как раз под землей лежат. А сверху незаметно. Пока незаметно».

— ...хотели даже окопать то кладбище, да руки не дошли, — продолжал меж тем Римас, — а потом просто не до того стало. Мертвяки все перли и перли на нас, отбиваться все труднее становилось. И я даже не уверен теперь, что только с кладбища того они вылезают. В самом-то замке мы тоже не знаем, что происходит. А там прислуга осталась, когда я уходил — почитай вся. И горсть ратников. Из тех, кто заболеть успел или рассудком повредиться. В какое-то утро посмотрел, кого накануне ночью порубили. Так на одном из трупов платье служанки. Даром, что до лохмотьев изодранное. Причем служанку ту я, кажется, знаю... знал.

В общем, врагов у нас все больше. А бойцов, хотя бы плохоньких, на нашей стороне — наоборот. Вчера кое-как отбились. И ведь мало того, что люди ночами не спят да в сражении погибают. Многие из тех, кто выстоял в бою, теперь заболели, слегли. Хоть вроде и не сильно их ранили.

— Зелье! — при последних словах сэр Андерс припомнил, что говорил мастер Бренн с том, чем чревата схватка с мертвяками, — зелье нам нужно. И побольше. Зелье для защиты от болезней и ядов... как тогда, в иллюзии. Это... как там тебя... Равенна. Справишься?

— Постараюсь, — колдунья кивнула, но без уверенности и уж тем более без энтузиазма.

— Еще не помешало бы какое-нибудь средство, чтобы вылечить заразившихся бойцов, — Андерс продолжал сыпать распоряжениями; его словно прорвало, — ну и, конечно, нам понадобятся твои колдовские умения. Огненные шары метать и все в таком духе. Делать это лучше с вершины земляного вала. Какая ни на есть высота. А мы с... северянином встанем в проходе. Нет, лучше каждый в разных проходах. Я думаю, основные силы мертвяков попытаются прорваться именно через них.

Не отличавшийся словоохотливостью, Сиградд, сын Торда промолчал и на сей раз. Словно бы соглашаясь. Тогда как Андерс обратился, наконец, и к Освальду:

— Ну а ты... раз такой меткий — тоже на вершину вала встанешь. С луком...

Договорить бывший бродяга и вор ему не дал. Молчать и кивать, в отличие от спутников, не пожелав.

— Э-э-э... ваше... рыцарство, — обратился он к отпрыску рода Веллесхайм вроде бы вежливо, даже с робостью, но робостью деланной, подчеркнуто-неестественной, — старею я уже, наверное. Память не та. Так что не сочтите за труд: напомните мне, с каких пор вы заделались у нас командиром? Дедуля-Бренн вроде бы никаких распоряжений на сей счет не отдавал.

— Командир здесь я, начнем с этого, — отрезал в ответ капитан Римас, — и присягал я на службу роду Веллесхайм, чей единственный, похоже, еще оставшийся в здравом уме, наследник стоит перед тобой. И должен заметить... как человек, некогда обучавший сэра Андерса, что предложения его вполне здравые.

Немножко подумав, он, впрочем, добавил:

— Хотя кое в чем и его стоит поправить. Уж если бить по мертвякам стрелами, то не простыми, а подожженными.

Когда вечер начинал переходить в ночь, постылая пелена, «саван небесный», обычно истончалась, чтобы полностью растаять к часам, когда зажигались первые звезды. К рассвету она, разумеется, заволакивала небо вновь. Зато на короткое время, пока было еще сравнительно светло, пелена успевала сдать настолько, чтобы осточертевший серый цвет неба сменялся местами багровым, местами пурпурным. Ни дать ни взять, пролитое вино из винограда, что растет в теплых краях. Или, если угодно, кровь.

Это солнце пыталось напоследок пробиться лучами к многострадальной земле, напоминая о себе ее обитателям.

Выглядело это красиво. Хотя и угрожающе, зловеще — тоже. Одних предшествующая сумеркам окраска неба вдохновляла, дарила надежду. Но на других навевала навязчивую тоску, желание напиться, а то и вовсе сунуть голову в петлю. Немало было и тех, кто, глядя на гигантский кровоподтек, в который превращалось небо, думал об адском пламени, о надвигающемся... даром, что уже давно надвигающемся, Конце Света. О том, что новый день, путь даже омраченный тоскливой серостью небес, мог и не наступить вовсе.

Очередное расставание с очередным серым днем защитники Веллесдорфа встретили, кто на вершине вала, кто у проходов, перегороженных телегами. И глядя на то, как краснеет и лиловет небо, как солнце говорит миру «до свидания», едва ли хоть один из них трепетал, тем паче, задумывался о Страшном Суде и конце всего сущего. До «всего сущего» ли, коль многие из них и без того могли не пережить надвигающуюся ночь.

Да, могли. Но ведь возможность — не неизбежность. Не так ли?

Глядя с вершины вала на окрестные луга, поля и лес, Равенна чуть ли не валилась с ног. Она хорошо потрудились, управившись почти со всеми поручениями сэра Андерса и капитана Римаса. И только вылечить да поставить в строй раненых мертвяками бойцов она успела всего полдесятка. Даже не зелья ей не хватило — просто времени, чтобы приготовить его достаточно. А ведь впереди был не отдых, но бой. И в нем защитники Веллесдорфа возлагали большие надежды именно на нее, волшебницу. Не стоило их разочаровывать. Хотя бы чтоб самой дожить до рассвета.

Что до остальных... Освальд, к примеру, чувствовал себя получше Равенны. Но признаться, не намного. И виной тому была не усталость, но страх, нараставший по мере того, как мир вокруг погружался в темноту. Страх и... сомнение: а стоило ли вообще в это ввязываться? Стоило ли лезть в битву с существами, рядом с которыми наемные охранники караванов казались мальчиками из церковного хора? Ради чего? Просто идя на поводу у Дедули-Бренна?

Да, прежняя бродяжья жизнь уже не казалась Освальду привлекательной. Но кто сказал, что не было у него других вариантов? Ведь он мог, к примеру, зарезать Дедулю-Бренна... ночью, во сне это проделать легко — хоть с жирным купчиной, хоть с могучим колдуном. Прирезать и завладеть сокровищами, что наверняка хранились в подвалах бывшего донжона разрушенного замка.

Да, Дедуле-Бренну он, Освальд, жизнью обязан. Но ведь не приносил ему клятву верности. Не говоря уж о том, что не по чину ему было клятвы приносить. Он все-таки вор, вор и висельник, если быть точным. А не благородный рыцарь... такой благородный, что аж плюнуть хочется — вроде сэра Андерса. Дедуля-Бренн тоже не вчера родился. Должен был

понимать, с кем дело имеет.

Так думал Освальд, обуреваемый сомнениями... в то время как рука его все равно уже сжимала лук. Как бы то ни было, правильно или неправильно он поступил, но теперь сомневаться и решать было поздно. Или еще рано — при условии, что жизнь бывшего вора не оборвется в эту ночь. А чтобы этого не случилось, предпринять Освальд мог лишь одно. Драться. Пусть даже с мертвяками.

А вот сэр Андерс, напротив, почти не боялся. И уж точно ни в чем не сомневался, уже держа руку на эфесе меча. Впервые за долгие месяцы он ощутил себя на своем месте. На родной земле. В родовых владениях, которые ему предстояло защищать — изгнанному, не сломленному; вернувшемуся в трудное время. Ни о чем другом по его разумению владетель не мог мечтать.

И вот он стоял у прохода, еле слышно шепча молитву и готовый уже в следующий миг достать меч из ножен.

Тем более был далек от сомнений и страха Сиградд, сын Торда. Самое страшное, чем ему грозила надвигающаяся ночь — это гибель. А гибель с оружием в руках достойная. После нее прямая дорога в Небесный Чертог: пировать и веселиться до скончания веков. Так что Гаук, Гуннульв и прочие, что, изгнав Сиградда, надеялись лишить его такой возможности — просчитались.

От последней мысли, нечаянно посетившей его голову, Сиградд помимо воли расплылся лицом в улыбке. А стоявший неподалеку житель Веллесдорфа даже отпрянул испуганно — приняв оную за хищный оскал.

А потом пурпурная окраска сменилась синевой, запятнанной клочковатыми серыми облаками — остатками пелены. За синевой пришла чернота. Защитники деревни стояли наготове; некоторые с факелами в руках.

— Я слышу! — крикнул кто-то, разрывая напряженную тишину ожидания, — они приближаются!

А кто это — «они», объяснять не требовалось.

Один из жителей Веллесдорфа вскинул лук — не боевой, охотничий и явно самодельный: грубо сработанный. Собрался выпустить огненную стрелу. Просто наобум, дабы осветить окрестности... и приближающихся врагов.

Но Равенна опередила его. Она прошептала заклинание, и на ладони волшебницы возник матово-белый светящийся шарик. Он взмыл вверх, на лету вырастая до размеров сырной головы. И свету давал не меньше, чем полная луна.

Его, света, теперь хватало... чтобы разглядеть темные человекоподобные фигуры, медленно надвигающиеся со стороны замка... и с противоположной стороны тоже — вдоль дороги.

Десятки... нет, сотни фигур. Целая толпа!

— Гадюку мне за шиворот, — пробормотал, взглядываясь в темноту, Римас, — да их даже больше, чем вчера. Откуда?..

Разумеется, последнему вопросу так и предстояло остаться лишь вопросом. Без ответа и особого смысла.

Мертвяки наступали медленно. Гордой неспешной поступью знатных людей — тем тоже некуда было спешить. А вот для защитников Веллесдорфа время было дорого. И терять его они не собирались.

Шар белого света оставался висеть над полем начинающейся битвы. А с ладоней

Равенны уже срывались сгустки огня. Один за другим они влетали в нестройные шеренги мертвяков. И взрывались, охватывая ходячие трупы пламенем, превращая в движущиеся костры. Двигались те, впрочем, недолго. Падали через несколько шагов.

К волшбе Равенны присоединились лучники, включая Освальда. «Давненько я не зажигал», — приговаривал бывший вор, прилаживая стрелу к тетиве. Один из крестьян, державший факел, поджег ее с наконечника за миг до того, как тетива распрямилась.

В сторону толпы мертвяков она полетела уже огненным пятнышком под темным ночным небом.

Хваленая меткость Освальда не подвела его и теперь. Стрела безошибочно нашла цель, врезавшись в одного из мертвяков. Ее огонь шустро перебрался на мертвую плоть, точно моряки после долгого плаванья — с борта на причал.

За первой стрелой последовала, вторая, третья. Да и другие защитники Веллесдорфа, умевшие стрелять из лука, тоже не бездействовали. Большой меткости им, кстати, не требовалось — уж очень тесными рядами шли мертвяки. Сложно было промахнуться.

Ходячие трупы вспыхивали и падали. Но бреши в их рядах почти сразу зарастали — мертвяков было слишком много. Чтобы остановить их на подступах к деревне, нечего было и думать. Сил не хватало.

Наконец, луки сделались бесполезны: достигнув земляного вала, первые ряды мертвяков медленно и неуклюже потащились по склону вверх. Еще часть мертвяков потекла в сторону перегороженных проходов — целая река... нет, две реки из гниющих тел огибали Веллесдорф. Надвигались с двух сторон, словно беря деревню в клещи. Готовясь сомкнуться, прорвав оборону ее насквозь.

Но пока...

Первые ряды мертвяков едва успели достичь вершины вала — Равенна ударила по ним скопом, заклинанием «Рухнувшее небо». В полном соответствии с названием на ходячие трупы обрушилось что-то невидимое, но невыносимо тяжелое.словно исполинская рука: ближайших к Равенне мертвяков она просто раздавила, превратив в месиво из костей и кусков окоченевшей плоти. А остальных смела с вала. Мертвые, но приобретшие в эту ночь способность передвигаться, тела катились вниз, увлекая других мертвяков. Тех, что карабкались следом.

Потом было еще одно заклинание. В воздухе резко похолодало. И на ряды мертвяков во множестве посыпались градины, ледышки, целые ледяные глыбы. Продлилось это всего сто ударов сердца, но многие мертвяки после такого каприза погоды остались изломленными, побитыми или вообще раздавленными. И потому неспособными двигаться.

Но и оказавшая мертвякам столь холодный прием Равенна чувствовала, что силы ее на исходе. Больше подсобить своей волшбой защитникам Веллесдорфа она не могла. В обморок бы не упасть — не до хорошего уже. Голова кружилась, ноги подкашивались, а желудок тревожно бурчал, требуя себя наполнить. Пошатываясь, словно пьяная, Равенна попятилась за спины остальных защитников. И дальше: в тыл, прочь с вала.

А когда первые мертвяки добрались, наконец, до его вершины, мысли об отступлении... нет, скорее, о бегстве посетили головы и других защитников. Особенно лучников — те не знали, что им дальше делать. Сжимая бесполезные уже луки, они мелко боязливо переступали, пытаясь спрятаться за товарищей. И тем мешали только.

Но не Освальд! Отбросив лук, он выхватил из рук ближайшего крестьянина факел. И, размахивая им перед собой, а другой рукой сжимая тесак, ворвался в толпу мертвяков. Зелье

Равенны защищало его от заражения. Собственно же, от укусов и других возможностей пораниться он рассчитывал защититься сам.

— Вот тебе! — выкрикнул бывший бродяга, на ходу поджигая одного из мертвяков; еще одному он миг спустя отсек тесаком потянувшуюся к нему иссушенную руку, — и тебе. И вот вам еще подарочек... йо-ху-у-у!

Под этот клич Освальд заметался, окруженный мертвяками, и разил направо и налево — одного за другим. Кружился вихрем на вершине вала, а ходячие трупы, сумевшие на нее подняться, кто огнем вспыхивал, кто валился вниз.

— Йо-ху! А вы чего ждете? — окликнул бывший вор других защитников Веллесдорфа, — это ж просто неуклюжие болваны. Бояться их нечего.

И жители деревни, вняв его призыву, ободренные двинулись навстречу скопищу ходячих трупов. Косы и топоры обрушились на мертвяков, ломая конечности. Вилы пронзали мертвую плоть и сталкивали мертвяков с вала. Да и факелы в руках жителей Веллесдорфа тоже оказались бесполезны. От движущихся... нет, скорее, шевелящихся костров, вспыхнувших на вершине вала, стало настолько светло, что нужда в белом шаре, созданном Равенной, отпала. Да оный и погас вообще-то говоря. Сил, поддерживать его, у колдуньи тоже не осталось. Шар погас, но отсутствия его уже не заметили.

— Йо-ху! Йоху-ху! — выкрикивал Освальд, охваченный боевой горячкой, — не такие уж они и грозные.

А в следующее мгновение рука с остатками кожи дотянулась снизу до вершины вала и, ухватив бывшего вора за штанину, резко потянула к себе. Освальд повалился, едва не выронив факел. Цепкую костлявую руку он отбросил проворным пинком. Но не успел освободиться, как сразу три мертвяка надвинулись на Освальда, окружая его.

Первого бывший бродяга успел поджечь. А когда второй выбил факел из руки, Освальд сперва рассек этому удачливому мертвяку ступню тесаком. А собрата его оттолкнул, резко вытянув в его сторону ногу. Затем вскочил на ноги и рубанул тесаком по шее ближайшего из ходячих трупов. Удар был удачен... или просто шея настолько разохлась. Сделавшись нестойкой, как трухлявый пенек. Так или иначе, но голова мертвяка полетела на землю. Как потом и он сам — поверженный подоспевшей Освальду подмогой в лице могучего мужика с топором. Лесоруба, как видно.

Достоинство держали оборону и у проходов. Пусть и обходясь без сочиненных на ходу кличей. От луков здесь проку было немного, поэтому почти сразу защитники Веллесдорфа перешли к ближнему бою. Благо, проходы были слишком узкими — численное преимущество мертвяков возле них сходило на нет. Зато решающую роль играло боевое умение. А здесь хотя бы сэру Андерсу, капитану Римасу и Сиградду, сыну Торда ходячие трупы безнадежно проигрывали.

Сэр Андерс разил мертвяков бесстрастно, одного за другим. Подошел — получи, подошел — больше никуда не пойдешь. А вот Сиградд, занимавший позицию на противоположном краю деревни, и вел себя с точностью до наоборот. Взревев и потрясая секирой, он перемахнул через телеги, перегораживавшие проход. И ворвался в толпу ходячих трупов, обрушивая на них свое оружие. Разрубленные, сбитые с ног, мертвяки не просто падали — отлетали, отброшенные размашистыми ударами северянина. Оставляя окрест него заметный круг пустого пространства.

А обойти могучего варвара и подобраться к проходу и телегам удавалось немногим. И уж этих немногих с успехом изничтожали засевшие в проходе крестьяне. Кто огнем, кто

топорами и косами.

Успех... Что ж, более или менее, но к защитникам Веллесдорфа сие ободряющее словечко в этой битве было вполне применимо. Усиленные четверкой посланников мастера Бренна, деревенские работяги отражали натиск мертвяков, хоть не сказать, что триумфально, но успешно...

Пока разом не проснулись полчища летучих мышей, с недавних пор обосновавшиеся на чердаках родового замка Веллесхайм.

То были единственные живые существа, переносившие близость Скверны более-менее сносно. И готовые рядом с нею обитать. С поправкой, разумеется, на высоту замковых башен и донжона, державшую летучих мышей на достаточном удалении от пораженной Скверной земли. Достаточным это удаление было, правда, лишь для того, чтобы летучие мыши могли сохранить остатки рассудка и собственной воли — необходимые для выживания и в той мере, в какой они присущи животным. Но зло, пропитавшее замок, коснулось и их. Превратив в кровожадных тварей, лучшим лакомством почитавших человеческое мясо.

И теперь эти твари, покорные Скверне, вырвались из замковых чердаков. Чтобы тучей накинуться на людей, ночь проводивших не в постелях, но на вершине земляного вала вокруг Веллесдорфа да в оставленных в нем проходах.

Вскоре воздух там наполнился звуком множества хлопающих крыльев и злобным писком.

— Что за дьявольщина?! — завопил капитан Римас, когда одна из летучих мышей на полном ходу врезалась ему в лицо, не прикрытое шлемом, а затем вцепилась крохотными зубками и коготками.

Эту, первую, тварь бывший командир замкового гарнизона мигом оторвал от себя, схватив за трепещущее кожистое крыло. И брезгливо отбросил, заодно с силой встряхнув. Но еще одна летучая мышь приземлилась на руку старому вояке. И попыталась было прокусить перчатку... добро, хоть безуспешно. А две других твари атаковали Римаса сзади. Одна приземлилась на шлем — никакого вреда, отвлекла только. Зато вторая едва не добралась до шеи пожилого воина.

Спас того находившийся рядом сэр Андерс. Просто смахнул летучую мышь пятерней. А затем налету разрубил мечом. Впрочем, в следующий миг ему самому пришлось отбивать атаку. И хоть даже столь мелких противников меч в руке наследника рода Веллесхайм разил точно и верно, от некоторых удавалось отбиться лишь свободной рукой. Буквально отбрасывая, отрывая маленьких ночных охотниц от себя.

Не лучше обстояли дела и у Сиградда. Чтобы держать тяжелую секиру, даже ему требовались сразу обе руки. Так что крушить мертвяков и одновременно обороняться от летучих мышей он не мог. Пришлось вернуться под сомнительную защиту телег в проходе. И там, отложив секиру, со злостью хватать летучих мышей прямо в воздухе. И давить, ломать руками, с жестокой радостью слыша, как хрустят тонкие косточки.

Отвлекался северянин от этого занятия лишь на мгновение-другое. Чтобы снести башку кому-нибудь из мертвяков, подобранных к телегам слишком близко.

Но Сиградд, сэр Андерс и капитан Римас хотя бы держали еще оборону. Остальные защитники дрогнули — так впечатлила их внезапная атака с неба, от которой было не укрыться за земляным валом. И орудиями труда крестьянского не очень-то удобно отбиваться.

Забыв о не прекращавших наступление мертвяках, жители Веллесдорфа в большинстве

своем кинулись врассыпную. Одни — к своему жилищу, как последнему рубежу. А другие просто побежали, закрыв голову руками и почти не разбирая дороги.

Тем временем первые мертвяки, забравшись на вершину земляного вала, уже спускались с него вниз — в деревню. Кто-то еще пытался их уничтожить, но таковых оказалось маловато. Большинство было слишком занято спасением от летучих мышей.

Зато мертвяков уже по эту сторону вала — все больше и больше.

И тут встрепенулась Равенна, сгоняя с себя усталую отрешенность на пару с чувством выполненного долга — сколь соблазнительным, столь же и ложным. Ее летучие мыши вроде не трогали, а прорвавшиеся за вал мертвяки до колдуньи пока не добрались. Зато при виде зрелища разгрома защитников Веллесдорфа посетила Равенну спасительная мысль. Для всех спасительная. Женщина даже досадовала про себя, что как-то могла забыть о такой возможности.

Сорвавшись с места — словно и не провела день за трудами без продыху — Равенна бросилась по одной из улочек, мимо мертвяков и бестолково мечущихся крестьян, атакованных летучими мышами. На небольшую площадь посреди деревни. Там стояли несколько лавок, закрытых по случаю позднего часа, церковь, а еще... местная таверна. Видимо, жители Веллесдорфа были не в пример терпимее горожан из Каллена, коль поместили таверну и церковь неподалеку друг от друга. Проще относились к жизни.

В одном из окон таверны горел свет. На бегу ворвавшись внутрь, Равенна перво-наперво с наслаждением вдохнула запах готовящейся пищи, что доносился из кухни. Желудок нетерпеливо заурчал. А затем подошла к стойке, где скучал, облокотившись и подперев руками лысеющую голову, хозяин — старый, толстый и оттого очевидно небоеспособный. Впрочем, у него и так появился шанс помочь обороне Веллесдорфа. Не выходя самолично на бой.

— Еды! — с ходу выпалила Равенна, пальцами зачем-то впиваясь в край стойки, — да пожирнее... побыстрее.

Держатель таверны пожал плечами. Все равно других посетителей было — кот наплакал. Пара стариков, сидевших за одним из столов и о чем-то неспешно и негромко беседовавших. Не то способами лечения бессонницы делились, не то воспоминаниями о прожитой жизни. Для последнего было самое время: сколь бы долго оба старца ни прожили на свете, сегодня они имели хорошие шансы с миром живых распрощаться. Как и прочие жители Веллесдорфа — хоть молодые, хоть старые.

Перед стариками стояли две кружки с пивом — почти полные. Причем в одной из них уже плавала дохлая муха, но старики ее не замечали. Нетрудно было догадаться, что в выпивке эти двое не очень-то нуждались. А значит, барыша от них держателю таверны почти не было.

То ли дело эта женщина, ворвавшаяся среди ночи. Хоть и тоже не выпить пришла, зато положила на стойку перед держателем целую серебряную монету. И тот от зрелища такого сразу понял: а гостья-то — дорогая!

— Гретта! — позвал держатель таверны, проковыляв пару шагов в направлении кухни, — Гретточка, детка! Неси сюда, что приготовила. Да поторапливайся.

Из кухни вышла девушка, молчаливая и нескладная. В руках она несла миску с аппетитно пахнущей мясной похлебкой — густой, наваристой.

— Ставь сюда! — нетерпеливо прикрикнула на нее Равенна, рукой хлопая по стойке.

А когда миска и деревянная ложка оказались, наконец, перед ней, буквально накинута на еду. И принялась поглощать еще горячее варево, в нетерпении дуя на ложку; причмокивала как свинья, дорвавшаяся до полного корыта, едва ли не давилась. И чувствовала, чувствовала, как наполняется изнутри живительным, приятным теплом.

Что-то противоестественное было в ее наслаждении на фоне того, как снаружи погибали защитники Веллесдорфа — их вопли ужаса и боли слышались уже здесь, в сердце деревни. Но колдунье было плевать... покамест.

Когда с похлебкой было покончено, более всего уставшая Равенна желала прикорнуть где-нибудь. Еще она знала, что силу с едой она получила, по большому счету, временно. Очень скоро уставшее тело все равно должно было взять свое. Так что следовало спешить.

Отодвинув миску, Равенна прошла к двери и, походя, распахнув ее, вышла в ночь. Слух обманул ее: до площади мертвяки еще не добрались. Но ждать, пока это случится, в любом случае не стоило. Действовать нужно было. Что колдунья и сделала.

Она прибегла к заклинанию «Песнь ночного леса», которое узнала еще от матери. Но до сих пор не использовала его — повода не было. Потому и подзабыла.

Равенна запела — высоким голосом и на неведомом древнем языке, состоявшем, кажется, из одних гласных. Запела и веретеном завертелась посреди площади, воздевая голову и руки к ночному небу.

Даже летучие мыши, покорные Скверне и породившей ее злой воле, на миг замерли в воздухе, остолбенев. Но песней своей колдовской Равенна взывала вовсе не к ним.

А вскоре в воздухе над Веллесдорфом появились другие летуны — покрупнее. Совы. Хлопая крыльями и хищно сверкая в темноте круглыми, как пуговицы глазами, они хватили летучих мышей когтями. Прямо в воздухе. И кого-то из них просто бросали, но кого-то... пожирнее, наверное, уносили домой. В дупло, где пойманной летучей мышью можно было сносно поужинать.

Конечно, не все летучие мыши из замковых чердаков угодили в ту ночь в совиные когти. Некоторым удалось спастись — тем, которые сообразили, а главное, успели удрать. Но, так или иначе, а к тому времени, когда обессиленная Равенна упала в изнеможении на булыжники площади, воздух над Веллесдорфом был уже снова чист. Никто не хлопал кожистыми крыльями, не пищал, и впиться когтями-зубами в лицо какому-нибудь человеку не пытался.

И защитники деревни снова взялись за топоры, грабли или просто подхватили с земли то, что могло бы сойти за оружие — увесистый камень, например, или палку какую, потолще. Да разом накиннулись на успевших прорваться через вал мертвяков. Их, слепо разбредающих между домами и заборами, атаквали по одному целыми группами. Накидывались втроем-вчетвером, забивали до полной неподвижности. После чего бросались на поиски нового противника.

Некоторые из крестьян (и Освальд с ними) вернулись на вал. И не давали теперь перебираться через него новым когортам умертвий. Натиск последних, кстати, заметно ослабевал. Сколь бы ни было велико их количество изначально, даже оно оказалось ограниченным.

Но, видимо, сила, ночь за ночью пробуждавшая мертвяков и заставлявшая их атаковать Веллесдорф, на сей раз сдаваться не собиралась. А может, напротив, последний ее удар был как раз признанием собственного поражения. Но прежде чем отступить, кто-то или что-то, враждебное всему живому, захотело как можно громче хлопнуть дверью.

Что-то ударило из-под земли... или сквозь землю. Что-то пропитало ее не только вокруг замка, но и дотянуло свои невидимые, но исполинские и мерзостные щупальца до самой деревни. И даже дальше, до лугов, полей и леса.

Даже обессиленная, готовая впасть в забытие, Равенна ощутила, как страдает под ней

земля. Как засыхает трава, и гибнут деревья в почве, пропитанной ядом. А звери и птицы желают лишь одного — убраться отсюда подальше и побыстрее. Страх и подспудное чувство отвращения разом проснулось в них, когда Скверна стала растекаться вокруг замка.

Людам, в отличие от животных, бежать было некуда. И изнеможенной, лежащей в обмороке Равенне в некотором смысле повезло. Последние аккорды дьявольской мелодии, прозвучавшей в эту ночь во владениях рода Веллесхайм, она пережила легче остальных.

Устоял и сэр Андерс. Сразу же зашептал молитву, как только в голове его трупными червями закопошились искушающие и греховные мысли; желания противные самому понятию чести. Молитва заставила их отступить. И рыцарь не прекращал молиться даже когда заметил, что неладное происходит... в том числе с капитаном Римасом.

Его глаза сверкали в темноте как пара угольков, выпавших из печки. Передвигался бывший командир замкового гарнизона, как-то странно покачиваясь. Будто марионетка в руках неопытного кукловода. А когда заговорил, звучал голос Римаса как рычание пса.

— Ничто...жество, — слова он как будто сплевывал сквозь зубы, — до чего... довел... всех нас! Я двадцать лет... служил...вашей благо...р-родной семейке! И что... получил? Гибну тут... из-за вас... двух сопляков... высоко...р-родных! У-у-у, не-на-вижу!

Взревев на последнем слове, Римас бросился на сэра Андерса. Без всякого оружия — просто с голыми руками, которые он вскинул, растопырив пальцы. Собирался задушить, не иначе. Но рыцарь ему не дал.

Шлем капитана Римаса немного съехал, хоть частично, но открыв лоб. И по лбу этому сэр Андерс врезал рукоятью меча, отправляя бывшего командира замкового гарнизона в страну грез. А затем подхватил его и поволок прочь. На поиски какого-нибудь помещения... укромного. Поскольку вокруг начинало твориться сущее безумие. В ярости люди набрасывались друг на дружку — царапались, кусались, вцеплялись в горло. И выглядели при этом даже более устрашающе, чем поредевшие уже мертвяки. Вернее, последние на фоне живых теперь смотрелись безобидными, точно огородные пугала.

А где-то, укрывшиеся в своих домах на время битвы, матери вздумали вдруг придушить своих детей: нечего-де по ночам вопить, мешая спать, да гадить нескончаемо. Еще откуда-то донесся пронзительный визг. Это хозяин именно в ту ночь и в те страшные минуты пришел к выводу, что верный пес, проживший с ним несколько лет — дармоед и грязнуля. Коего если тотчас же не обезглавить, жизнь хозяину станет не мила.

А вот Освальда нахлынувшая волна безумия почти не затронула. Потому что, будучи вором опытным, он и так чуял, когда лучше держаться на людях, а когда — удрать и спрятаться. И искушения, нахлынувшие на него вместе со Скверной, неплохо гармонировали с этим его чутьем, как и самой душой: расчетливой и осторожной.

Неплохо гармонировали, неплохо вписались — и потому не привнесли почти ничего нового. Освальд и без подсказки адского шепота успел смекнуть, что пришло время удирать. Едва заметил, как люди вокруг него стремительно утратили человеческий облик.

Заметил — да и сбежал с вала прочь, забрался по приставной лестнице на чердак чьего-то дома, где и схоронился. До самого рассвета.

Выбор убежища, кстати, оказался верным еще и потому, что позволил Освальду несколько отдалиться от отравленной Скверной земли. А значит, пересидеть остаток ночи относительно спокойно. Голоса, искушавшие его да нашептывавшие совершить что-нибудь гадкое, грязное и греховное, на чердаке почти и не слышались.

Но хуже всего из их четверки пришлось, как ни странно, Сиграду. Могучий телом

северянин оказался слаб духом. Сразу поддался, едва щупальца Скверны дотянулись до Веллесдорфа.

Сперва перед глазами Сиградда помутнело, видение окружающего мира расплылось на миг. Затем северянин увидел, что вместо одного из крестьян, защищавших родную деревню, рядом с ним стоит... Лута. Повернула к нему лицо — такое милое, такое знакомое. Смотрит, да усмехается... недобро, злорадно.

— Слюнтяй и жалкий неудачник, — заявила девушка, в ночь изгнания не осмелившаяся сказать ему на прощанье ни слова, — даже я убила бы чужака, разгуливавшего по нашей земле. А ты не смог. Какой же ты после этого Барс? Заяц ты трусливый и мягкотелый. И с ним я едва не связала свою жизнь!

— Да полноте, милая, — еще один человек повернулся лицом к Сиградду, оказавшись Гауком, сыном Бруни, — предки хранят нас... в том числе и от неудачного выбора. Рано или поздно этот... это существо, недостойное зваться мужчиной, выдало бы себя. И хвала предкам, что произошло это, скорее рано. Иначе не быть бы нам вместе.

С этими словами Гаук подошел к Луте почти вплотную и обнял ее за талию, прижал к себе.

— Вместе? — переспросил Сиградд, стремительно свирепея, чего прежде за собою не замечал, — вы вместе?..

Гаук и Лута в ответ рассмеялись — звонко и дружно... точнее вместе разом, точно по команде.

— ...и кто это недостойн зваться мужчиной? — прорычал северянин, — не ты ли не осмелился на поединок... тогда? Защищайся теперь... если сможешь.

С этими словами он вскинул секиру и обрушил ее на голову бывшего сородича. Защититься тот не успел. Да и нечем было — оружия при себе у Гаука почему-то не имелось, но Сиградд не придавал тому значения. Он просто рубанул секирой, и давний соперник рухнул наземь. В лужу собственной крови, почти раскроенный надвое.

Затем северянин перевел взгляд на Луту.

От девушки он ожидал разного — хоть рыданий над трупом любимого, хоть праведного гнева и слов проклятия, обращенных к убийце. Но к удивлению своему в глазах Луты Сиградд увидел совсем не подобающую радость.

— Не зря я надеялась, — выдохнула девушка, — ты все-таки сделал это. Показал ему, кто из вас прав — как мужчина мужчине. Отец-Небо радуется, глядя на тебя.

— Похоже, я ошибся, — это окликнул Сиградда голос, знакомый с детства.

Обернувшись на него, сын славного Торда увидел стоявшего неподалеку Гуннульва Железнобородого. Стоявшего и опиравшегося ввиду хромоты на толстую суковатую палку.

— Возможно, ты как раз достоин называться Снежным Барсом, — говорил вождь, чье лицо оставалось суровым, но глаза уже смотрели одобрительно, — достоин больше, чем некоторые из нас. И все же обычай должен быть соблюден. Чужака, ступившего на нашу землю, нужно убить. Убей его — и сможешь вернуться к нам. Твоему клану.

— Чужака? — переспросил растерявшийся от такого предложения Сиградд, — Путника... мастера Бренна?

Вместо ответа Гуннульв ткнул пальцем куда-то в сторону. Посмотрел туда и северянин-изгнанник; посмотрел — и удивился. Он был уверен, что мастер Бренн остался в своем полуразвалившемся жилище. Сам в битве за владения рода Веллесхайм участвовать отказавшись. Однако ж теперь мастер Бренн стоял совсем рядом, в нескольких шагах от

Сиградда. Все такой же, как в день их встречи: в дорожном плаще, с посохом.

— Убей его — и возвращайся, — велел вождь, — я знаю, он колдун, но на твоей стороне — духи предков и сам Отец-Небо. Против настоящей силы никакое колдовство не устоит.

— Убей его, — вторила Гуннульву Лута, — и пред всем кланом я признаю тебя своим мужем.

— Убей! Убей! — окликали Сиградда разные голоса. Оборачиваясь на них, он видел соседей и приятелей по еще той, прежней жизни. Которую променял на служение чужаку-колдуну.

— Да-а-а! — поддавшись, наконец, этим призывам, Сиградд заревел. И с секирой наперевес ринулся на мастера Бренна.

Старик едва успел обернуться, когда секира, купленная им для нового союзника и помощника, снесла седобородую голову.

...Что ж, хоть в одном повезло, что Сиградду, что жителям деревни. Коль даже столь могучий воитель, оказавшись под властью Скверны, успел убить всего двух из них.

А уже в следующий миг наваждение прошло. Скверна вновь отступила, втянув щупальца — держать долго Веллесдорф и окрестности ей было не под силу. Во всяком случае, пока. Волна зла откатилась, отпуская и живых, и еще оставшихся на ходу мертвяков. Последние как один повалились на землю. Теперь они были просто трупами. Причем не первой свежести.

Обессиленные, пали в изнеможении и жители Веллесдорфа, и пришлые его защитники. Остатки их сил были напоследок выпиты Скверной. Да, люди остались живы. Но погрузились в сон, как это обычно бывает от усталости.

Разные тогда пришли к ним сны. Но чаще — тревожные, даже жуткие. Сиградду, например, привиделось, что он возвратился в родное селение. И стоит у его ворот... в то время как со всех сторон к частоколу приближаются мертвяки. Их гниющую плоть покрывала изморозь, тощие ноги с облезшей кожей с трудом переступали по снегу. И, тем не менее, мертвяки шли. Медленно, но неуклонно приближаясь к селению.

Сиградд был не один. На защиту общего дома плечом к плечу с ним встали не только все мужчины клана, но даже женщины и дети с камнями и палками. Но сын Торда видел: даже этого недостаточно. Противник, пожаловавший к их воротам, был слишком многочисленным.

Полчища мертвяков обступили частокол. Одни, цепляясь пальцами за малейшие неровности в бревнах, карабкались на них. Некоторые так и повисали, пронзенные острыми верхушками. Но было много и тех, кому повезло, кто сумел преодолеть частокол.

Еще больше мертвяков ринулись в ворота. Воины Барсов, женщины Барсов, дети Барсов как один бросились им навстречу. И защищали ворота, дрались... падая один за другим.

Последним упал сраженный Сиградд — когда уже вокруг него на ногах оставались одни ходячие трупы. А прежде чем окончательно закрыть глаза, Сиградд успел увидеть, как проваливается земля под родным селением. Как оттуда в ревушем пламени и черном дыму вырываются совсем уж жуткие чудовища: многорукие, многоглазые, многоголовые.

И одновременно небо точно расколосось — обрушивая на землю поток... нет, бесконечную вереницу белесых призрачных фигур. Призрачных воинов с мечами и топорами. Это покидали Небесный Чертог духи славных предков. Покидали, чтобы дать бой кошмарным порождениям... Преисподней? Нижнего Мира? Название значения не имело. Вообще ничего не имело, кроме самой битвы. Последней битвы гибнущего мира.

Ее исхода Сиградд уже не увидел.

Скверна отхлынула к замку, оставляя после себя луга, превращенные в пустыню, изрядный кусок леса с мертвыми, лишившимися листвы, деревьями, поля с погибшим урожаем. И Веллесдорф — некогда процветающую деревню, напоминавшую теперь огромную бойню. Повсюду, на улицах и опоясанной валом окраине валялись трупы. И не только давно уже гниющие трупы, обретшие прошлой ночью способность ходить. Окровавленные и сравнительно свежие останки защитников Веллесдорфа попадались тоже. И в немалом количестве. Кто-то погиб в схватке с мертвяками. А кто-то пал от руки ближнего своего, оказавшегося под наваждением.

Уцелевшие жители и защитники Веллесдорфа очнулись ближе к полудню. И тогда... точнее, вскоре после того выяснилось, что в живых в деревне остался из всего народу примерно каждый второй.

— Вот так битва, — посетовал капитан Римас, уже сидя в таверне за одним столом с сэром Андерсом, Равенной, Сиграддом и Освальдом, — столько трупов... больше, чем за все время, сколько это безобразия длится.

И отхлебнул из своей кружки — не то победу, даром, что тяжелую, обмывая, не то, поминая погибших. А может, просто собрал пришлых союзников, столь неожиданных, сколь и оказавшихся полезными. Обсудить, что делать дальше.

— Опасность не миновала, — мрачно и с какой-то поспешностью сообщила бывшему командиру замкового гарнизона Равенна.

— Да понимаю я, — Римас махнул рукой, жестом этим выражая усталость напополам с обреченностью, — не знаю, откуда... это, поселившееся в замке, набрало столько мертвяков. Но, боюсь, еще одна такая битва... или две — и людей в Веллесдорфе не останется. Обезлюдит эта земля.

— Как обезлюдит и в том случае, — словно бы парируя, молвил сэр Андерс, — если те, кто еще остался, решат спастись бегством.

Он не сказал главного, но собеседникам и так было понятно, что наследник рода Веллесхайм имел в виду. Бежать, бросая дома и родную землю — не выход. Не имело, по большому счету, смысла.

— Обезлюдит, — печально повторил капитан Римас, — и даже волшебство, как оказалось, не поможет.

После чего обратился лично к Равенне — едва ли не умоляющим тоном:

— Ты... волшебница. Ты-то хоть знаешь, что нужно делать? Сможешь помочь?

— Скверна, — напомнила Равенна, — Скверна распространяется... и становится сильнее. За счет всего живого, до чего она дотягивается.

— Но ее можно уничтожить? — не отставал Римас.

— Только уничтожив источник, — отвечала колдунья с готовностью и в то же время без воодушевления, — а источник... я уверена, находится в замке.

— Тогда все просто, — изрек сэр Андерс, кладя руку на эфес меча, — нужно отправляться в замок. Похоже, битва не закончена.

Произнеся последнюю фразу, рыцарь вздохнул.

И тут слово взял вор Освальд, до сих пор лишь молчаливо попивавший пиво из кружки.

— Так, погодите... ваше рыцарство, — голос его звучал недовольно, да вдобавок

дрогнул на середине фразы, — все просто, говорите? А я вот, олух деревенский, почему-то простоты здесь никакой не заметил. Что значит, «просто»? Судя по тому, что капитан Римас рассказывал, замок теперь — то еще местечко... кошмарное. И соваться туда... чес-слово, как по мне, лучше на ежа с разбегу голой задницей плюхнуться. Или на муравейник. И приятнее выйдет, и безопаснее.

— Ты можешь никуда не ходить, — сухо и твердо молвил сэр Андерс, — вы все вольны оставаться здесь... или уйти, куда желаете. Я могу пойти один. В конце концов, замок Веллесхайм — мой. И земли эти тоже. А значит, ответ держать за все, здесь происходящее, тоже мне. Мое дело...

— Боюсь, насчет... ежа и муравейника Освальд прав, — сказала на это Равенна, — Скверна — это не тот противник, которого можно мечом порубить. И кольчугой от нее не защититься. Без волшебства, боюсь...

— Всевышний, — с металлом в голосе перебил ее рыцарь, — я верю, что Всевышний спасет меня.

— Как паренька-священника? — с ехидством вопрошал Освальд, — ну этого... из обители... как ее там. А, капитан Римас?

— Святого Эммануила, — нехотя отвечал бывший командир замкового гарнизона, и вор продолжил:

— Ну вот. Наверное, он тоже был уверен, что достаточно просто воззвать к Всевышнему, и дело будет в шляпе. Но Дедуля-Бренн правильно сказал: Всевышний помогает лишь тем, кто сам себе помогает. А значит, не помешают меры предосторожности. Не то кто-нибудь, например, мог бы спрыгнуть хотя бы с башни того замка. Уверенный, что волею Всевышнего обретет способность летать. С тем же, я думаю, успехом.

В ответ на речь Освальда Равенна могла бы возразить, припомнив хотя бы парочку святых или колдунов, или волхвов из языческих времен, которым удавалось полететь без всяких крыльев. Просто силой своей веры или воли заставили они тело держаться в воздухе. Но чем спорить без особого смысла, волшебница сказала другое:

— Он прав — в одиночку против Скверны вы, сэр Андерс, сможете разве что геройски погибнуть. Не говоря уж о том, что вашу душу после этого может ненароком и в ад занести.

И последний довод рыцаря пронял — он заметно содрогнулся. Тогда как волшебница продолжала:

— Теперь по поводу предосторожности. Я провела разведку... ну, как в прошлый раз. Так вот, в нашем случае Скверна подобна сердцу: она то расширяется, то сокращается. Вчера Скверна, поднатужившись, сумела растянуться до предела. А теперь пришла отдача. Пришлось Скверне сдать назад, оставляя даже ранее захваченную землю. На холме, например. Я видела: теперь там просто безжизненная земля... но вполне обычная. Что-то там может, наверное, даже расти теперь. Если посеять.

— Временно, — сообразив, буркнул капитан Римас, — все это временно.

— Увы, да, — Равенна согласно кивнула, — как и всякое отступление. Рано или поздно, Скверна соберется с силами вновь. Источник-то никуда не делся. Тем более, он зацапал сегодня немало жизней. Но пока Скверна... так сказать, отдыхает, у нас есть время. Хотя бы до ночи.

— Время для чего? — поинтересовался сэр Андерс. Как показалось волшебнице — с ноткой недоверия.

— Для того чтобы уничтожить источник, разумеется, — отвечала она, — а прежде

принять меры предосторожности, о которых обмолвился Освальд. Ведь до замка мы хоть и дойдем без хлопот. Но внутри Скверна будет сильнее всего. И как бы не попасть под ее власть.

— Ты это у нас спрашиваешь? — хмыкнул капитан Римас, — ты, волшебница?

— Увы, здесь моих знаний не хватает. Пока не хватает, — Равенна развела руками, — так что придется, похоже, советоваться с мастером Бренном.

— Давно пора, — сказал Освальд чуть ли не с облегчением в голосе.

Колдунья же тем временем уже извлекла из дорожной сумки голубоватый граненый камень, на котором были высечены руны. Положила его на столешницу из грубых, необструганных досок.

— Ножа ни у кого не будет? — спросила Равенна, обращаясь сразу ко всем соседям по столу.

— Пожалуйста, — Освальд извлек из сапога маленький тонкий ножик размером чуть больше указательного пальца и с улыбкой протянул волшебнице, — для тебя — что угодно.

И бровью не поведя в ответ на последнюю фразу, Равенна взяла ножик и осторожно, но ощутимо ткнула его острием в подушечку большого пальца на левой руке. Перевернула кисть... с пальца сорвалась капелька крови и упала на украшенный рунами камень. Чтобы миг спустя бесследно исчезнуть на его голубоватой поверхности. словно капля простой воды испарилась на солнце. Или, скорее, камень проглотил эту кровь. Втянул в себя.

Втянул в себя — и осветился изнутри белым холодным светом. А еще ярче засияли руны: они просто-таки излучали из себя свет. Лучи, исходившие из них, прорезали воздух над столом... затем скрестились — и сложились в картинку. Картинку прямо в воздухе: призрачное изображение знакомого лица. Борода, морщины, высокий лоб.

— Приветствую, дитя, — сказала лицо мастера Бренна голосом, прозвучавшим несколько безжизненно, но в целом узнаваемо, — я смотрю, мой подарок оказался тебе не бесполезен. Рад... очень рад, коли так.

— Жаль, только что повод не слишком радостный, — молвила на это Равенна, — похоже, наша миссия здесь осложняется. С нежитью мы сладили... вроде. Пока. Хоть и сложно было. Но нежить тоже не просто так поднялась. Оказалось, что замок захвачен Скверной. И там же... я почти уверена, находится ее источник. Если мы сегодня не уничтожим его, все повторится.

— Ясно, — лицо Бренна кивнуло, а приветливое выражение сменилось задумчивым, — да, пожалуй, Скверна — худшее, с чем вы могли столкнуться. И тело отравляет, и разрушает душу.

— О, это мы и без вас знаем, Де...мастер, — подал голос Освальд, — на собственной шкуре убедились. Вот нам бы защиту какую-нибудь от этой Скверны. Чтобы ни отравить не смогла, ни разрушить.

— Сложный вопрос, — мастер Бренн зачем-то погладил бороду, — есть у меня амулеты, от Скверны защищающие. Но не до конца, чтобы вы знали. Это как с доспехами: вроде крепкие, железные, а стрелы врага все равно цели находят. Если этот враг достаточно меткий. И уж тем более не спасают доспехи от валуна, с большой высоты на голову сброшенного. То есть, даже с амулетами вы будете в опасности, если пойдете к источнику Скверны... считаю должным предупредить вас об этом.

— Давайте, что есть, — вздохнула Равенна, — лучше что-то, чем совсем без защиты.

Но вот сэр Андерс, похоже, на сей счет имел другое мнение.

— Амулеты, вы говорите, — молвил он с недоверием, — побрякушки языческие? Предлагаете мне нацепить это на себя? Всевышнего предать?

— Ой, сэръ рыцарь, — Освальд поморщился, будто от зубной боли или как если бы съел что-то пересоленное, — как же вы утомительны, вот чес-слово. Может, не надо уже Всевышнего все поминать да про веру талдычить? В конце концов, пьянство, за которым я вас застукал в нашу встречу — тоже грех... вроде бы.

Андерс фон Веллесхайм на это нахмурился, но промолчал. Не знал, чем крыть последний довод. Вообще не ожидал удара с этой стороны, по чести сказать.

Тогда как Освальд поспешил закрепить успех:

— И кстати! Зелье-то вы для защиты от заразы, мертвяками разносимой, выпили, не поморщились. А вдруг оно... из кр-рови младе-е-енцев сде-е-елано.

Последние слова он произнес, не только растягивая, но и нарочно нагоняя жути в голос. Ни дать ни взять фигляр, исполняющий роль «злодея» в ярморочных постановках.

А сэръ Андерс даже опешил, услышав такое предположение. На миг Освальду даже показалось, что благородного рыцаря сейчас вырвет — прямо на стол.

Между тем Равенна, бросив на спорщиков недовольный взгляд (время, мол, теряем), торопливо спросила, обращаясь к лицу мастера Бренна:

— Как мы могли бы получить амулеты?

— Приходите на то же место, куда вас вчера принес портал, — отвечал старик, — я буду там и передам вам их.

Узнать место вчерашней высадки было не очень-то легко. Зеленый ковер из травы сменился почти голой землей. Из всей растительности сохранились разве что отдельные пучки чего-то сухого, похожего на солому. Росшее неподалеку дерево облетело и высохло. Более того, ствол его теперь был искривлен, едва ли не изломан. А ветки почему-то торчали кверху — словно руки человека, сдающегося на милость победителя.

Так что Равенне, Освальду, Сиградду и сэру Андерсу только и осталось, что держаться направления, противоположного тому, по которому они подошли вчера к Веллесдорфу. Опять же вспышка открывающегося портала оказалась достаточно яркой и потому заметной. Помогла сориентироваться.

К четверке посланников мастера Бренна негласно присоединился и капитан Римас.

— Щиты, доспехи, — еще изрек он по пути, — они бывают трех видов. Хорошие, плохонькие и никакие. И как по мне, даже плохонькие доспехи лучше никаких. То есть, чем без доспехов вовсе. Защита есть защита, короче говоря.

В отличие от сэра Андерса, его, пожилого и матерого вояку, не очень-то волновало происхождение амулетов и насколько их ношение сочеталось с верой во Всевышнего. Никакого греха в том, чтобы защищаться, он не видел. А тем паче, если речь шла о защите от некоей жуткой силы, просто-таки беспримесного зла.

Мастер Бренн ждал их возле самого светящегося проема, открытого прямо в воздухе. Стоял совсем близко от него; добро, хоть порог переступил. В одной руке старик держал неизменный посох, в другой — небольшой мешочек из грубой ткани.

— Я смотрю, вы нашли здесь союзника, — молвил Бренн с одобрением, заметив капитана Римаса.

— Римас к вашим услугам, — представился бывший командир замкового гарнизона и коротко поклонился, сняв с головы шлем.

— Капитан Римас верно служил нашему роду много лет, — добавил к сказанному сэр Андерс.

Выглядели амулеты для защиты от столь грозной силы, как Скверна... неожиданно простенько. Даже с какой-то вызывающей, бросающейся в глаза, забавностью. Освальду, например, они показались похожими на маленьких, грубо сделанных куколок-человечков. Кольцо-головка; разведенные в стороны, точно для объятия, палочки-ручки, а под ними еще одна палочка — тельце. Бывший бродяга и вор еле удержался от искушения поделиться этими сравнениями с товарищами.

Зато сделаны амулеты были из драгоценного металла — серебра.

— Когда вы окажетесь близко к Скверне, они будут нагреваться, — сообщил своим посланцам и капитану Римасу мастер Бренн, — когда же амулеты станут совсем уж горячими, знайте: дело по-настоящему плохо. И лучше отступить. Ну, или хотя бы держать ухо востро. Не расслабляться. Тем более что овладевает Скверна, прежде всего, людьми беспечными. Или, если угодно, беспутными. Со слабым характером. И которые, как дети, подвластны любым соблазнам.

На это Сиградд, хоть и промолчал, но услышанное ему совершенно не понравилось. Ведь ни беспутным, ни слабовольным он себя не считал — по крайней мере, прежде. Однако ж подпал под власть морока, наведенного Скверной. И в отличие хотя бы от товарищей

своих по оружию, успел зарубить тогда двух невинных людей.

Догадался о том северянин, когда очнулся на следующий день.

А вот Освальд и прежде на свой счет не обольщался. И подумал еще, что если серебряный «человечек» и впрямь раскалится до предела, совет отступить будет излишним. Все равно, что указание не совать пальцы в огонь или капкан. Ибо терпеть раскаленный металл при себе и без страха перед близостью Скверны не шибко приятно. Особенно Равенне: она зачем-то сунула «человечка» за пазуху. Или капитану Римасу, чей амулет разместился у него в перчатке.

Сам бывший вор, к слову сказать, положил свой амулет в сапог. Надеюсь, что последний в случае чего выдержит, не задымится.

— Надеюсь, что вы справитесь... вернетесь оттуда живыми, — вместо прощания молвил мастер Бренн.

— Можете... ну, удачи нам пожелать, — зачем-то попросил его Освальд.

Вот только сколь бы ни привык он полагаться на эту капризную даму в прежней жизни, полной лихих делишек и рискованных затей, а вот Бренн рассуждал иначе.

— К добру или к худу, но удача здесь ни при чем, — сказал он довольно жестко, — тут опыт необходим. Умение. А его-то вам и не хватает... к моему глубокому стыду. Если бы я мог предвидеть, что дело так осложнится... просто, поймите: насчет связи нежити и Скверны даже среди ученого люда согласия нет...

На это сэр Андерс только плечами пожал. «Все равно вряд ли оттого что-нибудь изменилось бы, — словно говорил этот жест на пару с взглядом, полным мрачной решимости, — это ведь мой замок и мои земли. Мне их и защищать. Хоть даже и от Скверны».

Еще все пятеро надеялись, что столь могучий волшебник изменит свое мнение. И присоединиться-таки к ним в предстоящей битве — хотя бы в силу новых, неожиданно для него открывшихся, обстоятельств.

Но мастер Бренн остался непреклонен. Молча кивнув напоследок, он шагнул в светящийся проем. После чего сам проем исчез, мгновенно погаснув. Растаял в воздухе.

А сэр Андерс, капитан Римас, Равенна, Освальд и Сиградд направились к замку.

— А я все хотел спросить, — по пути обратился Римас к Равенне, — вот ты говоришь: «источник, источник». А что он вообще может собой представлять?

— Что... представлять, — к досаде своей Равенна поняла, что не только не может четко ответить на этот вопрос, но и до сих пор над ним по большому-то счету и не задумывалась, — по-разному... да, разные книги... и исследователи здесь расходятся. Одни утверждают, что Скверна — это чье-то колдовство... злое. То есть, либо колдун какой вредит, либо проклятье действует. Ну, подобно тому, как тучи порождают дождь, так и волшебство с заведомо злым умыслом рождает Скверну.

— Что-то как-то непонятно, — посетовал на это бывший командир замкового гарнизона, — по поводу «злого умысла». Вот представь: подходит большое войско к городку, в котором всего народу меньше, чем людей в этом войске. Не отбиться. Но есть в городке колдун, который согласился, чтобы от врагов избавиться, либо молниями их закидать, либо землетрясение под ногами устроить. Ну, или хотя бы понос на все войско наслать. Злой тогда будет его умысел или как? Ведь он вред собрался принести. И кому — простым рубакам, которых, чай, тоже дома жены-дети ждут. И тоже есть родина, за которую они сражаются.

— Еще есть предположение, что Скверна — она сродни воде, затопляющей дырявую лодку, — спешно выдала Равенна, каверзный вопрос от Римаса будто не услышав, — только вместо лодки весь наш мир. А дыры ведут прямиком в ад. Или... вот еще: Скверну некоторые считают болезнью. А если есть болезнь, значит должен быть носитель. Какой-нибудь человек... да, впрочем, любое живое существо сгодится. Которое изначально поразила Скверна, и теперь он... оно заражает все и всех вокруг.

Когда она высказала объяснение насчет болезни и человека-носителя, на волшебницу бросил взгляд сэр Андерс. Подозрительно так глянул, оценивающе. И задумчиво. На какие-то мысли навели его слова Равенны. Но на какие именно — рыцарь вслух высказывать не спешил.

— Еще Скверну могут распространять демоны, из Преисподней прорвавшиеся, — сказала Равенна, — хотя... это предположение неплохо сочетается с образом дыры в лодке.

— А попы утверждают, что Скверна — наказание для нас с вами за наши грехи, — ехидным тоном изрек Освальд, — впрочем, они любую неурядицу так объясняют. Что до нас... то нам любой из этих твоих раскладов ничего хорошего не сулит. Так что предлагаю расслабиться. И не забивать головы бесполезными мыслями. А то вот задумаемся и, чего доброго, так себя напугаем, что можем вообще до замка не дойти.

Но, конечно, они дошли. Благо, путь назвать далеким было нельзя. А уже на холме, на котором возвышалась твердыня рода Веллесхайм, ждал маленький, но приятный сюрприз. Сюрпризом он стал, правда, для всех, кроме Равенны, успевшей снова разведать окрестности замка глазами пролетавших мимо птиц.

Как оказалось, подъемный мост был опущен, открывая проход хотя бы за крепостную стену. Заходи, кто хочет! Правда, по собственному желанию в замок вряд ли бы кто теперь вздумал заглянуть. Даже безмозглые пташки предпочитали облетать его — чуяли близость чуждой этому миру и разрушительной силы.

Разве что летучие мыши, вызывавшие теперь у пятерых человек, к замку подошедших, смесь ненависти и омерзения, могли посетить это место. А из существ разумных — лишь те, кого пригнала большая нужда. Или чужая воля. Или намерения отнюдь не добрые.

Осторожно переступая по дощатой полосе подъемного моста, сэр Андерс двинулся к арке ворот. Римас, Сиградд, Освальд и Равенна последовали за ним.

— А если подумать, чего запирается-то, — бормотал при этом Освальд, обращаясь, скорее, к себе, чем к спутникам, — препятствия чинить? Мыши ведь никто не мешает в мышеловку сунуться.

Сиградд наградил его недобрый взглядом медведя, узревшего будущий обед и готового на него наброситься. Равенна недовольно зашипела. Они не знали, что бывший бродяга не столько издевался, сколько сам храбрился. Подбадривал себя. Ну и еще внутренне радовался оттого, что искать способ проникновения в замок не потребовалось. Мелочь, а приятно. Ведь в противном случае возложить сей труд могли и лично на него, Освальда. На том основании, что коль он вор... ну, бывший вор, то и в чужих жилищах наверняка промышлял. А значит, кому как не ему в это... так сказать, жилище пролазить?

Жилищем, кстати, назвать теперь замок было трудно. Не походил он уже на место, в котором кто-то живет. Во всяком случае, когда пятеро незваных гостей миновали мост и воротную арку, именно такое впечатление у них сложилось от открывшегося за стеной зрелища.

Скверны, правда, в замковом дворе не было. Как не встретилось, впрочем, сэру Андерсу

и его спутникам вообще ничего живого. И никаких признаков хотя бы имевшего когда-либо место присутствия жизни — не считая, конечно, самих замковых построек. Ну и еще отрубленной головы, валявшейся посреди двора. Голова неплохо сохранилась, поскольку ни мухи над ней не кружились, ни суетились рядом вороны, что могли выклевывать глаза или отщипывать клювами кусочки плоти. Могли бы, да... но в каком-нибудь другом месте.

Капитан Римас огляделся, поворачивая голову и чуть задерживая заметно погрустневший взгляд то на бараках гарнизона, то стрельбище и ристалище, то на конюшнях, то на примыкающих к крепостной стене башнях. Увы, ничего ему на глаза не попало — ничего, что свидетельствовало бы, что место это обитаемо. Даже никакого движения, ни единого звука вокруг... почти. Разве что ветер покачивал распахнутую покосившуюся дверь одного из барakov, заставляя ее тихонько поскрипывать. Тихонько — но весьма заметно на фоне всеобщей тишины.

А всегдашнее серое небо и потемневший от времени камень стен придавал безмолвию и безлюдью замкового двора что-то зловещее.

— Итак, — совсем уж громко прозвучал здесь голос Освальда, — кто-нибудь знает, что искать... и где? И не разделиться ли нам? Или все-таки будем держаться вместе?

— Вместе, конечно, лучше... — начала Равенна, а сэр Андерс перебил ее, повысив голос, оттого прозвучавший неожиданно грубо.

— Ни к чему делиться, — были его слова, — ты же видишь: ловить здесь нечего. Вы все видите.

— Да и амулет пока разве что чуть тепленький, — добавила волшебница, — мой, по крайней мере.

Что до Освальда, то он и названную ей чуточку теплоты не ощущал. Да и о существовании амулета едва не забыл. Однако признаваться в том не стал.

— Так что, я думаю, не стоит здесь время терять, — сэр Андерс между тем подводил черту под своим предложением-предположением, — лучше сразу пойдем к донжону. А еще лучше — сразу в подвал спустимся.

— В подвал? — переспросила Равенна, — ну да, ну да... Скверна ведь под землей распространяется. Но... откуда?..

Более всего волшебницу озадачила уверенность, внезапно проснувшаяся в спутнике-рыцаре и теперь прямо-таки сквозившая в его словах. Что-то он знал такое... вернее, узнал и понял — что-то, что другим оставалось неведомо.

Вот только сэр Андерс и не подумал утруждать себя хотя бы малейшими объяснениями. А первым, уверенной хозяйской поступью, двинулся через двор к самому высокому сооружению по эту сторону крепостной стены. Остальным только и осталось, что тащиться следом.

«Я так устроен...»

Примерно так оправдывался скорпион из басни после того, как ужалил лебедя, подвизавшегося перевезти его через реку. Напоследок оправдывался — когда уже оба они, лебедь и скорпион, шли ко дну.

И не в скорпионах как таковых дело — даром, что твари они и впрямь неразумные и, мягко говоря, неприятные. Даже миролюбивые коровы, умея они говорить, сказали бы беззаботно гулявшему по лугу и вляпавшемуся в одну из их лепешек, человеку (тем крайне раздосадованному!) что-то вроде: «Уж прости, человек, но мы му-у-у, так устроены. Мы умрем, если не будем что-нибудь кушать, а лишнее из себя выделять в виде таких вот лепешек. А луг этот му-у-у прекрасный лучше всего подходит и для того, и для другого».

Да и человек, в свой черед, тоже, прямо скажем, хорош. Он так устроен... или так привык: жить в построенном доме, а не в пещере или под открытым небом. Чтобы построить дом, человеку нужны бревна. Чтобы раздобыть бревна, приходится рубить лес. И тем лишать жилища многих зверей, птиц и букашек, в лесу обитающих.

Еще человеку, как и всякому живому существу, нужно кормиться. И даже если он не будет при этом убивать другие живые существа — все равно, просто распахивая поле для посевов, человек наверняка успеет уничтожить немало кротовых норок... к примеру. И не только их.

И коли уж даже просто живые существа, в одном мире рожденные и живущие бок о бок, не могли без того, чтобы друг другу не вредить, если даже они были так устроены — что тогда стоило ждать от сущностей, этому миру глубоко чуждых?

Философы могли сколько угодно спорить, то успокаивая себя рассуждениями об относительности добра и зла, то именуя дьявола «силой, которая вечно хочет зла, но совершает благо». Поэтам не возбранялось лепить красивый образ падшего ангела-бунтаря, видя в оном отражение собственной беспокойной души. Да и ученые были вправе ломать голову над поведением нечисти, ища причины ее враждебности.

Но смысла во всех этих словесных и мыслительных ужимках-прыжках было не больше, чем в раскрашивании плахи в красивый нежно-розовый цвет или в замене колпака палача на шутовской колпак.

Сути-то они не меняли. А заключалась суть в том, что порождения адской бездны, прорвавшиеся в мир живых, не несли с собой ничего, кроме смерти, разрушений, раздоров и мук. Потому что так эти твари были устроены. Потому что ничего, кроме зла во всех его проявлениях, не то что желать, но даже знать не могли. Откуда знать-то — им, в Преисподней рожденным? И потому, что враг рода человеческого не просто так именовался врагом.

Не зря говорил кто-то из схоластов, что не стоит искать сложных объяснений для тех вещей и явлений, которые можно объяснить просто. Так что и по поводу очередного демона — того, что, сбежав из ада, осел во владениях рода Веллесхайм — не стоит ломать голову, ища причины, по которым он едва не погубил всех, в этих землях живущих. Подлинная причина была проста и годилась, по большому счету, для объяснения действий любой адской твари.

Просто она тварь была так устроена. Не могла не губить жизнь вокруг себя. А если

удавалось еще и наложить пахнущую серой лапу на чью-нибудь бессмертную душу — тогда демон и вовсе достигал полнейшей гармонии со своей сущностью. Как, к примеру, пьянчуга, допившийся до того, что уснул на полу в луже собственной блевотины. Ну, или, напротив, художник, написавший картину, которую будут помнить века.

Демона, о котором пойдет речь, звали Скарукс. И с человеком, доверившимся ему, они были знакомы почти с детства. Почти с детства, понятно, человека, а не Скарукса. Демон-то при всем желании не смог бы назвать свой возраст. Ведь большую часть... нет, не жизни, скорее, существования, он провел в Преисподней. Где время значения не имеет — оно течет лишь для живых.

Что еще не имело для демонов смысла, так это чувство долга. Сколь бы сказочники ни потчевали детей и дураков побасенками о том, как простому колдуну или даже простому деревенскому охламону удавалось обмануть гостя из Преисподней, опутать продуманной сделкой, заточить в простой кувшин или иную подобную утварь да заставить служить себе на многие годы вперед. Золотишко подносить, пакостить недругам и все в таком духе. Будь в оных рассказах хотя бы капля правды, Скарукс, по меньшей мере, признал бы, что своим освобождением из вечного пекла он обязан именно человеку. И, наверное, не стал бы хотя бы этого человека губить.

Человек тот, кстати, не был колдуном. Не проводил запретных ритуалов на кладбище, не приносил кровавых жертв и не читал исполненные богохульств заклинания из книг, чьи авторы давно и заслуженно преданы анафеме. Предпосылки прихода Скарукса в этот мир оказались гораздо проще и прозаичнее.

Подрастая, обзаведясь первыми угрями на лице и первыми волосками где-то еще, помимо головы, человек взамен утратил ту незримую, но непоколебимую для темных сил защиту, которую дает Всевышний каждой невинной детской душе. Со временем он, конечно, научился бы жить собственным умом, отличая плохое от хорошего и просчитывая последствия тех или иных поступков. Но пока этого не произошло, был человек крайне уязвим для разных искушений. И для искушителей — для них такой человек, с душой беззащитной и метущейся, становился легкой добычей. Вроде перезревшего плода, к которому достаточно руку протянуть.

Вот рука и протянулась. Хоть и невидимая. Зато оттуда, откуда, как известно, нет возврата. Но вот возможность побега, как видно, существует.

Когда Скарукс впервые обратился к человеку, попытался прощупать его и попробовать на прочность — тот принял демона просто за внутренний голос. Некое труднообъяснимое, но настырное чувство, следуя которому, можно избежать неприятностей. А то и преуспеть даже. О том, что для преуспевания неплохо бы своей головой почаще думать, человек еще не понимал. Да и не успел понять в последующие годы: Скарукс о том позаботился.

За наивную веру юного человека демон ухватился, как рыбак, почувствовавший поклевку — за удочку. И раз за разом, год за годом приучал человека к себе. Приучал себя, Скарукса, слушаться. Слушаться своих советов, на которые демон не скупился. Как понравиться приглянувшейся девчонке, как отомстить обидчику, как обмануть строгих родителей или раздобыть денег, дабы весело провести время — на все вопросы, волновавшие человека, расставшегося с детством, но не успевшего стать взрослым, Скарукс с готовностью отвечал.

И ответы-то — помогали! Пригождались. Следуя подсказкам «внутреннего голоса», сперва с осторожностью, а затем с все крепнущей уверенностью, человек раз за разом

добивался успеха. И торжествовал... но вместе с тем отучался думать и принимать решения сам. Слабел духом, проще говоря. Тогда как демон становился сильнее. Ведь за каждый свой совет он получал по кусочку души человека.

Маленькие то были кусочки — каждый в отдельности. Зато перепали они Скаруксу столь часто, что демон имел неплохие шансы заграбастать душу человека полностью. И гораздо раньше, чем тот из юнца превратится в старика.

Так что демон не спешил. И лишь к тому времени, когда с угрями человек расстался и начал брить нарождающуюся бороду, позволил себе, хоть отчасти, но открыться. Обратившись к человеку уже как полноценный собеседник.

Представился он, разумеется, не Скаруксом и не демоном. Тем более что истинное имя суть единственный крючок, на который адову тварь можно поймать. Нет: заговорив с человеком, Скарукс назвал себя «невидимым другом» и «покровителем». О том, что покровитель отнюдь не небесный, Скарукс, само собой, даже не заикался. Да человек и не спрашивал. Зато в объяснение о друге, пусть и невидимом, охотно поверил. Потому что советы, даваемые этим невидимкой, и впрямь помогали. И впрямь — думал человек — приносят ему пользу. А значит, кем являлся тот, кого он поначалу принимал за внутренний голос? Уж точно не врагом.

Про то, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и что за все в жизни приходится платить, человек на беду свою не задумывался. Поскольку вообще к задумчивости был не склонен — уж очень привык полагаться на советы «невидимого друга», подсказки «покровителя».

И не только советы-подсказки оказались человеку по нраву. Не чурался он и просто бесед со Скаруксом. Ведь, во-первых, собеседником демон оказался приятным... как бывает приятен хмельной напиток до тех пор, пока праздничный вечер не сменился утром. И покуда оному напитку не подошел черед уходить, оставляя после себя отравленное тело. Ну а во-вторых, что греха таить, друзей настоящих, видимых и принадлежащих миру живых, у человека, почитай, и не было. Разве что приятели имелись. Со схожими интересами, занятиями.

Разные темы обсуждали в беседах человек и демон. Начиная от обыденных вещей и знакомых людей и заканчивая материями важными — вопросами веры, философии, государственного устройства.

Темы были разные... но сводил их Скарукс мягко, изящно и ненавязчиво к одному. Что значение-де имеют лишь потребности и желания человека. А также средства к их удовлетворению — именно средства, самостоятельной ценности не имеющие. Те же, кто требовал от человека желания и потребности свои ограничить, а то и вовсе пожертвовать их удовлетворением ради каких-либо высоких соображений, по словам демона просто врал. А врал потому, что сам хотел преуспеть за счет других. Все этого хотят.

Для пущей убедительности Скарукс приводил живые примеры, подтверждающие эти его рассуждения — о потребностях и подло-лицемерной сущности тех, кто мог помешать человеку их утолять.

Так, демон рассказал человеку, что священник, на проповедях уверявший прихожан в том, что лучше быть бедным праведником, чем грешным богачом, сам вообще-то не бедствовал. И спину не гнул, поскольку собирал деньги с прихожан. Еще оный священник не чурался задирать юбки симпатичным прихожанкам, захаживавшим к нему под предлогом исповеди. Даром, что принял вроде обет безбрачия. И чуть ли не на каждой первой

проповеди грозил небесными карами неверным супругам.

Говорил ли человеку какой-нибудь приятель-знакомец о верной дружбе и взаимной помощи — Скарукс объяснял это желанием одного знакомого выехать на чужом горбу.

Некая девушка признавалась человеку в любви, да и сам человек ощутил было ответную влюбленность — демон уверял его, что она девица желает просто удачно выйти замуж. Благо, человек уже в те годы не был беден. Хотя бы потому, что родился отнюдь не в бедной семье. Вот возлюбленная, так называемая, и хочет устроить свою жизнь за его, человека, счет. Так что с дамами такими, говорил Скарукс, надлежало ухо остро держать. Хотя совсем отталкивать не стоило. Для удовлетворения кое-каких желаний самого человека, годились даже эти расчетливые стервы.

Не обошел вниманием демон и тех, кого одни простодушно почитали, а другие присягали им на верность. Монархов. Придворных сановников, графов-баронов и прочую знать. Все они наперебой талдычат о верности, чести, долге и служении, говорил Скарукс. Призывают остальных даже жизнью ради них жертвовать. А сами?

И демон рассказывал историю за историей. Про короля, который сел на престол, а прежде отравил зажившегося на свете отца. Про бездарного полководца, высокого положения достигшего через интриги и лесть — и положившего уйму воинов в каком-то бою. Про дворцового казначея, ставшего дворцовым казнокрадом. Про двух братьев-баронов, пошедших войной один на другого. Про обворожительную графиню, наставившую мужу рога, причем с его давним врагом. И все в таком духе.

Откуда «невидимый друг» столько знал, в том числе о разных людях — от простых до знатных, человек вопросом не задавался. Принимал как такую же чудесную, но все же данность, как возможность общаться с кем-то невидимым и бестелесным. И уж тем более человек не сомневался в правдивости рассказов так называемого «покровителя».

Он перестал молиться и посещать церковь. А на окружающих людей все чаще смотрел как на тех, кого можно и нужно использовать, коль они и сами хотят использовать его. Смотрел глазами демона, незримо подселившегося по соседству с душой человека. И теперь потихоньку пожиравшего ее.

И вот в одну ничем не примечательную вроде ночь Скаруксу удалось-таки подчинить себе не только душу, но и тело. Человек спал и не ведал, что тело его ненадолго поднялось с постели. И сделало несколько шагов по спальне, движимое волей демона.

Примерно с той-то поры тело это начало источать Скверну. Совсем-совсем чуточку... поначалу. Окружающие ее почти не замечали. Просто предчувствовали смутно что-то неладное и потому старались не подходить к человеку слишком близко.

А животные так и вовсе относились к нему с открытой враждебностью. Те же собаки приходили в безумную ярость и просто захлебывались лаем, едва приметив человека. Уже тогда.

И теперь вопрос. Мог ли Скарукс просто тихо обживать в захваченном теле, не трогая окружающий его мир и не отравляя Скверной? Ответ очевиден: не мог. Ибо так уж был устроен.

Это в замковом дворе присутствия Скверны почти не ощущалось. Но едва пятеро незваных гостей переступили порог донжона, как ее сгустки стали попадаться чуть ли не через каждый десяток шагов.

Выглядела Скверна здесь иначе, чем снаружи — в окрестностях замка. Ведь вместо земли в помещениях донжона был каменный пол, иногда еще прикрытый коврами. И на полу этом лепились то тут, то там, набухая как почки на деревьях и вяло шевелясь, будто живые существа, то комья некой темной и бесформенной массы, то целые ее бугры, высотой примерно по колено взрослому человеку.

От комьев и бугров исходил мерзкий запах, напоминающий дух разлагающихся трупов... или гниющих отбросов... или разлагающегося на солнце дерьма — целой кучи. Смотреть на них было тоже крайне неприятно. А еще небезопасно. Несмотря даже на амулеты мастера Бренна. Стоило кому-то из пятерых человек хотя бы на миг задержать взгляд на сгустке Скверны, как в ушах начинали звучать едва различимые, но назойливые шепотки, голова кружилась, а взор затуманивался.

Один раз Равенна не выдержала. Очередной сгусток — величиною чуть ли не с бочку — она в ярости испепелила молнией. Хотя и понимала, что напрасно: уже миг спустя почти на том же самом месте начал набухать новый сгусток. Хоть и маленький поначалу, но растущий прямо-таки как на дрожжах.

«Источник, — шептала волшебница, удаляясь от этого растущего сгустка, — нужно найти источник... только так... иначе не справиться».

С каждым новым шагом защитные амулеты все больше нагревались. Той же Равенне вскоре пришлось достать свой из-за пазухи. Подержав амулет в руке несколько мгновений, волшебница догадалась привязать его к поясу.

Освальд тоже чувствовал все возрастающее тепло в сапоге. Но покамест терпел. Был в состоянии терпеть. Не спешил переключивать амулет, дабы держать его подальше от собственной кожи, и капитан Римас.

Зато это свойство амулетов — нагреваться от близости Скверны — облегчило сэру Андерсу и его спутникам поиск источника. Ведь чем ближе они находились к источнику, тем сильнее было присутствие Скверны.

Спускаясь в подземелье под донжоном, да преодолевая темные ветвистые коридоры со сводчатыми потолками, пятерым живым — наверное, последним живым людям в замке Веллесхайм — вообще приходилось пробивать себе дорогу. Потому что сгустки Скверны встречались там повсюду. Не только на полу, но и на стенах, под потолком. Иные оказывались столь велики, что целиком перегораживали проход. И тогда в ход шла волшебная Равенны или огонь факела.

Под огнем, хоть колдовским, хоть обычным, эти темные, вяло шевелящиеся и источающие зловоние, бугры съеживались, подаваясь в сторону. Иные вовсе сгорали без следа. Конечно, вскоре пораженные сгустки нарастали вновь. Но случалось это не сразу. Так что времени пройти вполне хватало.

— Вы тоже это заметили? — ни к кому конкретно не обращаясь, проговорил Освальд, — в подземельях... в темницах всяких ведь крысы обычно бегают, шуршат. Пауки паутину вьют...

— Да-да, — подтвердила Равенна, поневоле вспомнив пребывание в застенках Святой инквизиции, — только здесь, похоже, даже крыс и пауков Скверна выжила.

А закончились поиски перед тяжелой железной дверью, ведущей в одну из темниц — обширную, но Скверной заполненную как квашня поднявшимся тестом. Бесформенная темная масса даже боевым заклинаниям Равенны поддавалась с какой-то явной неохотой. Огонь факела же так и вовсе остался для нее незаметным. Оставив разве что вмятину размером с кулак.

— Плохо дело, — проговорила сквозь судорожно стиснутые зубы волшебница, простирая обе руки, от пальцев которых в направлении дверного проема змеились яркие молнии, — я уже голод чувствую. Не растратить бы по пути всю силу... тогда с источником бороться будет нечем.

— Голод, значит? — переспросил Освальд, — не волнуйся, я прихватил из таверны... кое-чего, немножко.

С этими словами бывший бродяга достал из котомки кусок сыра, протянул товарке-волшебнице. Та, не отвлекаясь от своего, задействовавшего обе руки, занятия, потянулась навстречу. И, изловчившись, откусила, сколько смогла.

Волновалась, кстати, Равенна напрасно. Цель их пути лежала за железной дверью и сожженными волшебной сгустками Скверны.

Темница, обнаруженная по другую сторону очищенного проема, оказалась весьма просторной. Каменный пол сменился земляным — наощупь земля была рыхлой и чуточку влажной. И на этой земле, распятый на чем-то, похожем на огромное колесо со спицами, лежал человек. Голый, тощий и с серой кожей. Его пятки и кисти рук свисали со спиц «колеса», чуть ли не впиваясь в землю. Которая чуточку подрагивала, или даже шевелилась под ними.

Трудно было узнать распятого человека. Даже для сэра Андерса, знавшего его с малых лет. Истощенный и измученный, он, вдобавок, лишился половины волос. Однако глаза оставались живыми. Чуть помаргивая, они смотрели на обступивших, склонившихся над «колесом» людей.

— Помоги... избавь... — прошелестел распятый человек еле слышно, — прошу... вас.

— Эх, брат, — вздохнул сэр Андерс, уже потянувшись к мечу, — что же ты наделал? Как ты мог... о чем думал только?

— Мог? — напряженную тишину разорвал насмешливый возглас, прозвучавший откуда-то из-за спины рыцаря-изгнанника, — наделал? Этот жалкий кусок мяса ничего не мог. А тем более сделать.

Сэр Андерс и его спутники резко повернулись на этот голос — чуть ли не все разом. И увидели его обладателя: человека, вышедшего к ним из мрака. Из темной глубины лишенной даже маленьких окошек темницы.

Вернее, то был не совсем человек. Глаза его горели в темноте багровым светом. Рот совершенно лишился губ, зато был полон зубов, непривычно мелких и острых — они зловеще поблескивали, отражая свет факела. А у макушки торчали над головой два костяных нароста. Освальду, родившемуся в деревне, они напомнили бычьи рога... спиленные. Хотя, наверное, они и были рогами. Причем не спиленными, а просто не успевшими вырасти до полного размера.

— Он бы не сдался мне вовсе, — говорило это существо, лишь отдаленно похожее на человека, а голос его из ехидного превратился в глухо-заунывный, не по-человечески

тягучий, — но Скверна... ей, чтобы питаться, нужна живая плоть. Живая плоть и душа... греховная. А уж грехов за сэром Рихардом хватает.

— Ты! — воскликнул сэр Андерс, несмотря на все метаморфозы сумевший узнать его, — кастелян Густав! Но как? Ты же умер... мне сказали.

— Сказали? Кто сказал? — существо, некогда бывшее кастеляном Густавом, рассмеялось жутким скрежещущим смехом, и пасть его озарилась красноватым пламенем, горевшим, словно у существа внутри, — уж не тот ли, кто много дней поставлял Скверне свежее мясо? И новых рекрутов в мое мертвое войско?

— Можно было догадаться, — с досадой пробормотала Равенна.

И взгляды четверых из пяти человек, пришедших в подземелье под донжоном, буквально впились в капитана Римаса.

— Что, капитан? — скрипело существо, — слишком долго кое-кто находился рядом со Скверной? И вот уже не совсем свободен... этот кое-кто. Вроде бы по своей воле поступает... а не совсем.

— Умри, погань! — завопил Римас и бросился на тварь, когда-то бывшую кастеляном Густавом, на ходу выхватывая меч.

Существу, однако, хватило единственного движения руки, чтобы остановить его. Всего в шаге от бывшего кастеляна, бывший же командир замкового гарнизона замер, точно врезался в невидимую стену. Застыла, как муха в янтаре, вскинутая рука, сжимавшая меч.

— Эх, не умеете вы слушать, смертные, — заунывно прогудел Густав... вернее тот, кто завладел его телом, — сказано же: в тебе тоже есть частичка Скверны. А значит, ты ее пленник и раб... мой раб.

Но, видимо, частичка, про которую он говорил, в случае с Римасом оказалась слишком мелкой. Власти, которую обрела благодаря ей тварь, вселившаяся в тело кастеляна, хватило лишь на то, чтобы остановить правую руку пожилого воина — ту, что держала меч. А вот удержать уже левую руку тот, кто когда-то был кастеляном Густавом, оказался не способен. Или, быть может, эту руку защищал амулет мастера Бренна, спрятанный в перчатке.

Так или иначе, а про амулет капитан Римас помнил. И отметив, что левая его рука свободна, никакая сила невидимая ее не держит, изловчился да, размахнувшись, врезал своему противнику сжатым кулаком. Тяжелой перчаткой из толстой грубой кожи с вшитыми в нее металлическими пластинами.

Человека... обычного такой удар поверг бы наземь. А то и вовсе мог голову снести. Но существо, которое в замке Веллесхайм знали как кастеляна Густава, человеком уже не было. Его, существо это, могучий кулак Римаса заставил лишь качнуться да попятиться на полшага.

Ну и хватку еще ослабить. Ровно настолько, чтобы Римас успел три вещи. Успел отбросить меч, сообразив, что толку от него против такого противника не будет. Успел стряхнуть рукавицу с левой руки. И успел рукой этой вlepить раскалившийся амулет в лицо, прежде принадлежавшее Густаву.

Остальные успели заметить след на левой ладони капитана Римаса. Черный от копоти след, очертаниями повторявший защитный амулет. Успели заметить — и посочувствовать, а Сиградд даже позавидовал стойкости этого немолодого, но могучего и, несомненно, достойного воина.

Подобный след грозил теперь остаться и на лице с лишенным губ ртом и багровыми светящимися глазами. Тварь заверещала, выпучив глаза. От лица в том месте, куда врезался амулет, пошел дым...

Боль, которую испытал нынешний обладатель тела кастеляна Густава, давала спутникам Римаса несколько мгновений. Время, достаточное, чтобы улизнуть хотя бы из темницы. И заперев ее, попытаться покинуть замок живыми и сравнительно здоровыми.

То был наиболее разумный выход. Потому что все четверо уже поняли, с кем имеют дело.

— Так это же... демон, — с ужасом прошептала Равенна.

Да, демон, а не, к примеру, злой колдун, на что волшебница в душе надеялась. Еще у демона имелось имя — Скарукс, но его не знал даже Густав, знакомый с этой тварью чуть ли не с детства. Впрочем, от Густава теперь уже мало что осталось.

— А с демонами драться нас не учили, — напомнил Освальд почти жалобным тоном. Примерно как у мальчишки-шалопаю, попавшего впросак и по этому поводу восклицającego: «Так нече-е-естно!».

Да, сражаться с демонами четверых своих посланцев мастер Бренн действительно не обучил. И самым разумным для них было спасаться бегством, пока Скарукс верещал. Но не всегда человеку удается поступать разумно.

Сиградд вот, например, просто не привык бегать с поля боя. Поскольку даже гибель в безнадежном сражении сулила ему вечный пир в Небесном Чертоге. А трусость он, как и большинство северян, презирал.

Сэр Андерс, прежде чем покинуть это место, намеревался избавить от страданий брата Рихарда — так или иначе.

В Равенне страх смерти боролся с... любознательностью, этой неотъемлемой чертой всякого, кто посвятил жизнь изучению секретов природы. И такая редкость, как воплощенный демон, был для нее чем-то сродни сундуку золота для кладоискателя или огромной рыбине для рыбака. В том смысле, что не разбрасываются такими находками. Даже если они опасны.

Что до Освальда... то Освальд просто не успел. Потому что оцепенел, почти как тогда, в трактире, где он попался в руки обманутого купчины и его наемников.

В общем, все четверо оставались стоять на месте, когда амулет в руке Римаса, наконец, расплавился. И когда стих жуткий вопль демона... уже миг спустя сделавшего легкий с виду, непринужденный взмах рукой.

Грузное тело бывшего командира замкового гарнизона отлетело на десяток шагов. И врезалось в ближайшую стену со стуком и хрустом — то был хруст ломающихся костей. Подняться с земляного пола темницы капитану Римасу было уже не суждено.

Еще мгновение — и отпечаток амулета на лице Скарукса затянулся. Бесследно исчез.

— Жалкие смертные, — прокрипел демон, — неужели вы надеялись остановить меня... вашими игрушками?

И перевел взгляд горящих глаз на Равенну. Очевидно, избрав ее следующей жертвой.

— Э-э-э, подожди...те, — торопливо заговорила волшебница, сама обратившись к Скаруксу, — вопрос можно? Один!

Ей показалось... или демон и впрямь смутился. Не ожидал, что кто-то из его пленников поговорить захочет. Даже осмелится на такое.

— Ну, попробуй, — прогудел Скарукс. Поговорить он любил — этого не отнять. Собственно, разговорами он будущего кастеляна Густава и приручил.

— Капитан Римас говорил, что это вы позвали священника, когда по замку стала распространяться Скверна. Зачем это вам... было нужно... если вы демон? Или Римас и

здесь солгал?

— Это уже два вопроса, — в голосе демона, теперь звучащем почти по-человечески, послышалась укоризна, — но, так уж и быть, отвечу на оба. Нет, насчет священника лжи не было. Я действительно послал за ним... потому что был уверен, что он потерпит неудачу. А еще знал, насколько это обычно впечатляет вас, смертных. О, да! Много остается от вашей веры, когда вы видите, как те, кто назначил себя выразителями воли Всевышнего... садятся в лужу? О, да иные тогда даже в панику впадают!..

К слову сказать, разговор этот Равенна завела не потому, что ее и впрямь интересовала правдивость капитана Римаса. В конце концов, не считала она себя вправе судить человека, пожертвовавшего собой в безнадежной схватке с демоном. Лгал такой человек или нет, а если лгал, то насколько часто — значения уже не имело.

Не стремилась волшебница, и потянуть время... по крайней мере, для себя. И уж тем более не рассчитывала заболтать демона и разжалобить.

Нет и нет. Просто от Равенны не укрылось, как подобрался Сиградд — ни дать ни взять, хищный зверь, завидевший добычу и готовый к прыжку. Как напряглись руки северянина, сжимавшие древко секиры. Ему-то волшебница и хотела дать время. Потому и отвлекала Скарукса... пыталась, по крайней мере.

И у нее получилось. Почти.

Взревев, точно раненный бык, Сиградд улучил, наконец, подходящее мгновение. И, рванувшись к демону в теле кастеляна Густава, на ходу снес ему секирой голову.

Но едва голова успела отделиться от тела, как руки демонского вместилища перехватили ее резким движением. И водрузили на место.

Скарукс ослабился. Шеренги мелких острых зубов сверкнули во рту.

— Неплохая попытка, — молвил демон, поправляя голову, с хлюпаньем прилепившуюся к шее. Снова приросшую, как ни в чем не бывало.

Сиградд замахнулся вновь. Но Скарукс уже метнулся навстречу. И рука, некогда бывшая рукой Густава, намертво перехватила древко секиры. Да с такой силой, что сдвинуть северянин свое оружие теперь не мог ни на волос. Хоть даже рычал от напряжения и усилий.

Со стороны это выглядело дико и неестественно. Здоровяк-воин не мог пересилить пожилого тщедушного кастеляна, не достававшего ему даже до плеча. Только вот телесная сила в данном поединке роли почти не играла.

— И... что будем делать? — пролепетал Освальд, возлагавший надежды на отчаянный рывок Сиградда и теперь крайне обескураженный его неудачей.

— Действовать... как команда, — внезапно вспомнил сэр Андерс одно из наставлений мастера Бренна, — совместно!

Последнее слово он выкрикнул.

— Ну да, по отдельности-то мы... — начал, было, Освальд, но рыцарь его уже не слушал.

Бросившись к демону, занятому борьбой с Сиграддом — за его секиру — сэр Андерс рубанул мечом одну из ног кастеляна Густава. И разрубил с первого раза.

Удержаться на одной ноге телу-вместилищу Скарукса не удалось. Тот, кто прежде носил имя Густав, повалился на спину. Но древко секиры все не выпускал — вцепился в него мертвой хваткой. Впрочем, и Сиградд уступать не собирался.

Навалившись, на поверженное вместилище демона, северянин теперь давил древком ему на грудь. На миг-другой он еще высвободил одну из своих рук и ударил кулаком в лицо

врага. Удар оставил вмятину, словно бил Сиградд по восковой кукле. Мгновение — и вмятина затянулась.

Тем временем отрубленная нога шевелилась на полу подобно исполинскому червю. Не иначе, подползти пыталась и снова прирасти к вместилищу Скарукса. Но Освальд был начеку и постарался предельно усложнить ей эту попытку. Подхватив обрубок ноги, он зашвырнул ее в дальний и темный угол.

Мгновение спустя оттуда донесся смачный то ли чавкающий, то ли хлюпающий звук. Не иначе, один из сгустков Скверны получил свежее мясо. Только на сей раз это обстоятельство не могло не радовать. Не радовать всех, присутствовавших в темнице, кроме, понятно, Скарукса.

— Не-е-ет! — вскричал демон и с силой злости едва не отшвырнул громадину-северянина от себя, точно перышко, — вы... вы заплатите за это! Вам не победить меня!

Вопль перерос в глухой вой, похожий на голос зимнего ветра. Земляной пол вспучился под ногами Сиградда, Равенны, Освальда и сэра Андерса. Набухшие пупыри лопнули, испустив из себя струи зловонного грязно-желтого дыма. Защитные амулеты раскалились добела...

Но уже в следующее мгновение на ладони Равенны возник огненный шар. Взмахнув рукой, волшебница метнула его в Скарукса. И его одежду... вернее, остатки наряда кастеляна Густава охватило пламя.

Затем подскочивший Освальд вонзил нож в один из пылающих глаз демонского вместилища. По самую рукоять вонзил — почти сразу она потемнела от копоти.

— Нет, нет, нет! — вопил Скарукс. Похоже, даже демон способен был чувствовать боль тела, захваченного им. По крайней мере, такую боль.

Хватку, так или иначе, он ослабил. И Сиградду удалось вырвать секиру из его руки. А миг спустя еще и разрубить эту руку.

Предусмотрительный Освальд отшвырнул подальше и ее.

— Вы заплатите!.. — объятый пламенем и изувеченный, демон все равно едва не поднялся с земляного пола. Едва не взлетел! Чем напомнил куклу, которую рывком заставляет встать неловко дернувший за ниточки кукловод.

Но сэр Андерс пресек эту попытку, вонзив в грудь демонского вместилища клинок. Нажал — и опрокинул тело кастеляна Густава обратно на земляной пол. Чуть ли не пригвоздил, точно муху булавкой.

Но Скарукс еще сопротивлялся. Еще пытался из последних сил выдернуть стремительно нагревающийся меч. Пока очередной взмах секиры Сиградда не снес его вместилищу голову, от удара отлетевшую примерно на полшага. Только тогда багровое пламя глаз демона погасло, а единственная уцелевшая рука бессильно опала.

Освальд подхватил отрубленную голову за один из наростов-рогов. И хотел было тоже закинуть ее куда подальше, но Равенна жестом остановила его.

— Думаю, будет лучше, если мы прихватим голову с собой, — сказала она, — хотя бы унесем подальше от прочих останков. Ну, для надежности: чтобы уж точно они снова не соединились. А еще надежней будет отнести ее мастеру Бренну.

На это бывший вор только плечами пожал. Дело хозяйское, мол. А наше дело — маленькое. Всего-то демона зарубить.

На обратном пути, если сгустки Скверны и попадались еще, то выглядели какими-то опавшими, усыхающими. Сдувшимися. Как раздавленные грибы-дождевики или лопнувшие бычьи пузыри. Вскоре они должны были исчезнуть вовсе. А Сиградду, Равенне, Освальду и сэру Андерсу оставалось лишь надеяться, что происходит это не только потому, что голова демонского вместилища (оно же источник Скверны) покидает прежнее место. И не будет распространять Скверну где-то еще. Например, в жилище мастера Бренна.

Помимо этих подспудных опасений триумф омрачила смерть сэра Рихарда. Брат Андерса фон Веллесхайма, наконец, отмучился — рыцарь заметил это прежде, чем покинул темницу.

Как ни странно, ненависти к предавшему его родичу он не испытывал. То, прежнее чувство теперь оказалось полностью вытесненным, хоть брезгливой, но жалостью. На какой-то миг сэр Андерс даже понадеялся, что сможет вытащить Рихарда, вылечить. Но не успел... а может, просто отравление Скверной зашло слишком далеко.

Только одно мог теперь сделать сэр Андерс для брата. Похоронить по-человечески. И молиться, чтобы душа Рихарда отправилась все-таки к Всевышнему. При всех его прегрешениях — казавшихся теперь старшему из отпрысков рода Веллесхайм донельзя мелкими, суетными.

Подумаешь, невидаль какая: замок отнял. Что сэру Андерсу теперь этот замок? Коль мир гораздо больше. А вещи, в нем происходящие, порой бывают куда значимей, чем очередная семейная распря.

— Знаете, — поделился Андерс с Равенной, Сиграддом и Освальдом соображениями на сей счет, — благодарю вас, конечно, за то, что помогли... замок освободить и все такое. Но, боюсь, остаться здесь и владеть им, управлять этими землями я не смогу. Мало того, что все тут Скверной пропахло. Так даже и без нее... не по мне такая жизнь, честно скажу. Как жить, когда доверять никому нельзя? Мало того, что родной брат выставил за порог. Так, вдобавок, Римас. Его я как второго отца почитал, а он...

— Кстати, — бесцеремонно перебил его сетования Освальд и обратился к Равенне, — помнится, ты сказала насчет Римаса — ну, тогда, в темнице. «Можно было догадаться». Не поделишься... догадками-то? Хотя бы напоследок?

— Отчего же, — волшебница пожалала плечами, — наверное, не я одна еще перед битвой задалась вопросом: почему мертвяки Веллесдорф все атакуют и атакуют, крестьяне их все бьют и бьют. А меньше мертвяков не становится. Хотя вроде как они, наоборот, должны были закончиться рано или поздно. Никаких кладбищ не хватит, чтобы раз за разом натравливать на деревню толпу мертвяков, численностью большей, чем живое ее население. Любую толпу ходячих трупов можно перебить в течение одной битвы... в чем мы с вами прошлой ночью и убедились. И откуда тогда новые мертвяки брались?

— Ну? Не томи! — попросил Освальд, — наверняка ведь знаешь ответ.

Равенна кивнула с легкой улыбкой.

— Наутро я успела обследовать пару трупов, — пояснила она, — и кое-что в них показалось мне странным. Напомнило... одеяло из лоскутков, да! Те мертвяки были как бы сборные: одна рука была отрублена с одного человека, другая с другого. И так далее. Это особенно бросалось в глаза, если конечности оказывались разного размера. Или

обнаруживалась маленькая голова на могучем теле... или наоборот.

— Поверь, живут люди и с телом богатыря да маленькой головой, — сказал Освальд, — вот, например, мельник в нашей деревне. Но это я так... продолжай.

— Объяснить мое открытие можно было единственным образом, — волшебница вздохнула, — мертвяков, порубленных в предыдущие битвы, Скверна поднимала вновь. Конечности и головы снова прирастали. Хоть и как попало, вразброс. И однажды побежденные, на следующую ночь ходячие трупы опять были готовы к бою.

— Но некоторых ведь еще и поджигали, — напомнил бывший вор, — стрелами горящими, твоим волшебством.

— О, таких было меньшинство на самом деле, — парировала Равенна, — даже в эту битву. Про предыдущие схватки и говорить нечего. В отличие от тебя, деревенские лучники меткостью не блистали. А волшебой не владели тем более... сам понимаешь. Да и те, кого удавалось поджечь — сгорали-то они не до конца. Что-то да оставалось. И чья-нибудь уцелевшая рука или нога пригодились другому мертвяку.

— Надо было сжигать их всех после битвы, — изрек Сиградд, — на погребальном костре. А их закапывали обратно под землю. Хоть и по несколько в одну могилу.

— Это вы, язычники, сжигаете своих мертвецов, — зачем-то парировал сэр Андерс.

— Вот и жители Веллесдорфа так думали, — не без ерничества молвила Равенна, — вернее, даже не думали, а просто поступали по своему обыкновению. Как священники их учили. А тут, тем более, то же самое велел им делать человек, возглавлявший оборону деревни. То есть некто очень уважаемый — на кого местный люд надежды возлагал на спасение. Иные, наверное, даже считали, что жизнью ему обязаны.

— Ему, — с горечью повторил сэр Андерс, — капитану Римасу.

— Вот как такому не поверить, — вопрос волшебницы был исключительно риторическим, — особенно если победы кое-какие благодаря ему удастся одержать. Нападения-то мертвяков жители Веллесдорфа до поры отражали. А значит, могли надеяться, что однажды очередная победа станет окончательной. Рано или поздно.

— А вот чтобы деру дать подальше от этих земель — ни-ни, — подхватил Освальд.

— К чему бежать, если победа возможна, — Равенна хмыкнула, — да и стыдно бежать. Нужно защищать родную землю, отчий дом. Римас, этот стареющий сукин сын... уж простите меня — знал, на что давить. Или не он знал, а демон этот. Надежда и чувство долга. Два ингредиента всего... но уж опьяняет, в голову ударяет такая смесь не хуже крепкого вина. А тем временем в живых народу в Веллесдорфе оставалось все меньше. И все больше мертвых. И Скверна росла, становилась сильнее.

— То есть, правильно ли я понял, — начал сэр Андерс, впери в волшебницу потяжелевший взгляд, — ты догадалась насчет Римаса еще до того, как мы пошли в замок. Но почему молчала? Почему не предприняла ничего?

— Начала догадываться. А окончательно поняла, что к чему, когда кастелян Густав появился. Да и чего предпринимать-то? — Равенна развела руками, но в ответном ее взгляде не было ни тени вины, — то, что я за амулетами к мастеру Бренну обратилась — это считается? Или мне стоило Римаса убить?

— Ну... рассказать нам хотя бы.

— А что бы это изменило? — не уступала волшебница, — во-первых, подозрения — еще не повод обвинять человека и тем более его казнить. Сама через это прошла — знаю, о чем говорю. Во-вторых, я надеялась, что амулеты ослабят влияние Скверны, в том числе и на

Римаса. А значит, с ним можно будет иметь дело. И в-третьих: если даже получилось бы иначе, уничтожить Римаса было бы сподручней все-таки в замке. Вместе с источником Скверны. А не в Веллесдорфе — при всем честном народе, который в этом капитане души не чает.

— Ну да ладно, — подытожил рыцарь, — как ни крути, а капитан Римас сопротивлялся, сражался. И надежды жителей деревни он, в конечном счете, оправдал. Мертвяки побеждены. Бежать никуда не нужно. Да, герой Веллесдорфа погиб, но погиб в бою. Достоин. Наверное, ему даже памятник на площади поставят.

— Если все-таки не разбегутся, — съехидничал Освальд, — оставшись без владетеля. Коль вы, сэр...

— О, на этот счет не волнуйся, — отмахнулся сэр Андерс, — я, как Рихарда похороню, вопрос с владением тоже постараюсь решить. А до этого хотел бы попросить вас задержаться в Веллесдорфе на несколько дней. С вами хочу уйти.

Сиградд одобрительно кивнул. Равенна пожала плечами. А рыцарь продолжил:

— Если интересно... я к барону одному наведаюсь, по соседству живущему. Дальний родственник. Надеюсь, он согласится на такое наследство.

— А может не согласиться? — с усмешкой вопрошал Освальд, — да кто ж от целого замка откажется? И от земель вокруг? Это только вы... уж простите, ваше рыцарство, но это только вы можете швыряться такими ценностями. А вот если бы у меня был свой замок...

— Но, слава Всевышнему, замка у тебя нет, — отрезал сэр Андерс вроде бы строгим тоном.

Но уже в следующий миг улыбнулся. Неожиданно. И впервые, наверное, с тех пор, как был изгнан из родного замка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

11 марта — 2 апреля 2017 г.